

ISSN 2223-4047

ВЕСТНИК

МАГИСТРАТУРЫ

1-3, 2026

научный журнал

ВЕСТНИК 1-3 (172) **МАГИСТРАТУРЫ** 2026

Научный журнал

издается с сентября 2011 года

Учредитель:

ООО «Коллоквиум»

Полное или частичное воспроизведение материалов, содержащихся в настоящем издании, допускается только с письменного разрешения редакции.

Адрес редакции:

424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».
тел. 8 (8362) 65 – 44-01.
e-mail: magisterjourn@gmail.com.
<http://www.magisterjournal.ru>.
Редактор: Е. А. Мурзина
Дизайн обложки: Студия PROекТ
Перевод на английский язык
Е. А. Мурзина

Распространяется бесплатно.
Дата выхода: 15.01.2026 г.
ООО «Коллоквиум»
424002, Россия,
Республика Марий Эл,
г. Йошкар-Ола,
ул. Первомайская, 136 «А».

Главный редактор Е. А. Мурзина

Редакционная коллегия:

Е. А. Мурзина, канд. экон. наук, доцент (главный редактор).

А. В. Бурков, д-р. экон. наук, доцент (г. Йошкар-Ола).
В. В. Носов, д-р. экон. наук, профессор (г. Москва)
В. А. Карачинов, д-р. техн. наук, профессор (г. Великий Новгород)
Н. М. Насыбуллина, д-р. фарм. наук, профессор (г. Казань)
Р. В. Бисалиев, д-р. мед. наук, доцент (г. Астрахань)
В. С. Макеева, д-р. педаг. наук, профессор (г. Орел)
Н. Н. Сентябрев, д-р. биолог. наук, профессор (г. Волгоград)
Н.С. Ежкова, д-р. педаг. наук, профессор (г. Тула)
И. В. Корнилова, д-р. истор. наук, доцент (г. Елабуга)
А. А. Чубур, канд. истор. наук, профессор (г. Брянск).
М. Г. Церцвадзе, канд. филол. наук, профессор (г. Кутаиси).
Н. В. Мирошниченко, канд. экон. наук, доцент (г. Саратов)
Н. В. Бекузарова, канд. педаг. наук, доцент (г. Красноярск)
К. В. Бугаев, канд. юрид. наук, доцент (г. Омск)
Ю. С. Гайдученко, канд. ветеринарных наук (г. Омск)
А. В. Марьяина, канд. экон. наук, доцент (г. Уфа)
М. Б. Удалов, канд. биолог. наук, науч. сотр. (г. Уфа)
Л. А. Ильина, канд. экон. наук. (г. Самара)
А. Г. Пастухов, канд. филол. наук, доцент, (г. Орел)
А. А. Рыбанов, канд. техн. наук, доцент (г. Волжский)
В. Ю. Сапьянов, канд. техн. наук, доцент (г. Саратов)
О. В. Раецкая, канд. педаг. наук, преподаватель (г. Сызрань)
А. И. Мосалёв, канд. экон. наук, доцент (г. Муром)
С. Ю. Бузоверов, канд. с-хоз. наук, доцент (г. Барнаул)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>М.А. Бижев</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ	4
<i>О.А. Немчинова</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕРЫ ..	7
<i>С.Ф. Кабланбаева</i> ПОНЯТИЕ И ПРОЦЕДУРА СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ	9
<i>С.Ф. Кабланбаева</i> ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	11
<i>П.В. Молчанов</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ	14
<i>П.В. Молчанов</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА	17
<i>В.Е. Ржанников</i> ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 264 УК РФ	19
<i>И.В. Бенгардт</i> СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ	22
<i>И.В. Бенгардт</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	24
<i>С.А. Кобелева</i> ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	27
<i>С.А. Кобелева</i> ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ	29
<i>Э.А. Махиянова</i> ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 322.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	32
<i>Э.А. Махиянова</i> ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 317 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	34
<i>А.А. Иванова</i> СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ	37
<i>А.А. Иванова</i> СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ (СТ. 285 УК РФ)	39
<i>Ф.А. Абдулазизов</i> ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	41
<i>П.К. Сергеева</i> ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА	44
<i>П.К. Сергеева</i> ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА	47
<i>Д.Д. Сангинов, Э.А. Махиянова</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О ПРАВЕ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК, ВОЗНИКАЮЩИЕ ИЗ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ	49
<i>В.А. Кудашова</i> ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	52
<i>А.В. Кривошеина</i> ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	55
<i>И.А. Глобаш</i> РОЗЫСК ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ И СУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	58

Н.В. Горячева ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	62
Е.А. Инжиевская ИНСТИТУТ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ИНЫХ ФОРМ РЕПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	66
М.В. Полякова ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	70
Информация для авторов.....	73

Ю
Р
И
Д
И
Ч
Е
С
К
И
Е

НАУКИ

М.А. Бижев

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

В настоящей научно-исследовательской работе проводится комплексный анализ эволюции правового института исполнительского иммунитета, распространяющегося на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение должника-гражданина. Особое внимание уделяется кардинальным изменениям в судебной практике, произошедшим под влиянием Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П. Автором детально исследуются формирующиеся в правоприменительной практике критерии разграничения понятий «разумно достаточное» и «роскошное» жилье, а также рассматриваются процедурные проблемы и механизмы предоставления должнику замещающего жилого помещения взамен реализуемого имущества.

***Ключевые слова:** банкротство граждан, несостоятельность, единственное жилье, исполнительский иммунитет, замещающее жилье, баланс интересов кредиторов и должника, обращение взыскания, роскошное жилье.*

Актуальность темы исследования обусловлена фундаментальными изменениями в подходе российского законодателя и судебной системы к вопросу защиты имущественных прав должников. Институт исполнительского иммунитета, нормативно закрепленный в статье 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ), на протяжении длительного периода времени носил безусловный и абсолютный характер. Данная норма традиционно рассматривалась как важнейшая социальная гарантия, призванная обеспечить реализацию конституционного права каждого гражданина на жилище и недопущение ситуации, при которой человек может оказаться на улице без крыши над головой.

В соответствии с классической трактовкой закона, существовал строгий запрет на обращение взыскания на единственное жилье должника (за исключением случаев, когда недвижимость является предметом ипотеки), что рассматривалось как незыблемый постулат гражданского процесса. Однако динамичное развитие экономических отношений в стране, становление и расширение института банкротства физических лиц неизбежно выявили серьезные противоречия в действующем регулировании.

Ключевой проблемой стал очевидный дисбаланс интересов участников гражданского оборота. Сложившаяся практика позволяла недобросовестным должникам злоупотреблять своим правом, сохраняя в собственности элитную недвижимость высокой стоимости, формально подпадающую под критерий «единственного жилья». В то же время законные требования кредиторов, зачастую составляющие значительные суммы, оставались без удовлетворения, что подрывало доверие к институту банкротства и принципу неотвратимости ответственности по обязательствам.

Ретроспективный анализ судебной практики до 2021 года. В период до апреля 2021 года российская судебная практика базировалась на формальном и буквальном толковании положений статьи 446 ГПК РФ. Суды всех инстанций исходили из простой логики: если жилое помещение является единственным пригодным для проживания должника и членов его семьи и при этом не обременено ипотекой, оно наделяется абсолютным иммунитетом.

При таком подходе суды не принимали во внимание ни площадь жилого помещения, ни его рыночную стоимость, ни уровень его комфортности. Фактически, должник мог владеть дорогостоящим особняком или многокомнатной квартирой в элитном районе, и данное имущество оставалось неприкосновенным для взыскания, в то время как кредиторы не могли получить возмещение своих убытков. Такой подход, хотя и защищал социальные права должника, создавал почву для злоупотреблений и вывода активов.

Конституционно-правовой поворот: Постановление № 15-П. Коренной перелом в правоприменительной практике и доктринальном понимании института исполнительского иммунитета произошел с принятием Постановления Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П. В данном акте высший судебный орган конституционного контроля сформулировал принципиально новую позицию, указав, что исполнительский иммунитет не может и не должен служить инструментом защиты прав недобросовестного должника, а его применение не должно вести к несоразмерному нарушению имущественных прав кредиторов.

Конституционный Суд РФ определил, что иммунитет в отношении единственного жилья не является абсолютным и может быть преодолен при соблюдении совокупности определенных условий. Тем самым был осуществлен переход от концепции «абсолютного иммунитета» к концепции «ограниченного иммунитета».

Были выработаны следующие ключевые критерии, позволяющие обратить взыскание на единственное жилье:

- **Признаки «роскошности» жилья.** Жилое помещение должно явно превышать разумные потребности гражданина и членов его семьи в жилище, то есть обладать характеристиками, позволяющими отнести его к категории элитного или избыточного.

- **Экономическая целесообразность.** Реализация такого имущества на торгах должна привести к существенному пополнению конкурсной массы. Это означает, что после продажи дорогого жилья и покупки более скромного, разница в цене должна быть значительной и направляться на погашение долгов перед кредиторами.

- **Гарантия жилищных прав.** Должнику и членам его семьи взамен изымаемого имущества должно быть гарантированно предоставлено замещающее жилье. При этом новое жилье должно находиться в пределах того же населенного пункта и соответствовать социальным нормам площади жилья на человека.

Проблемы практической реализации новых подходов. Несмотря на революционный характер Постановления № 15-П, его применение на практике столкнулось с рядом существенных трудностей объективного и субъективного характера. Главной проблемой остается правовая неопределенность, вызванная отсутствием четких законодательных критериев понятия «роскошное жилье».

В условиях законодательного вакуума суды вынуждены самостоятельно, в каждом конкретном случае, оценивать «роскошность» жилья, опираясь на оценочные категории. В качестве ориентира, как правило, используются нормы предоставления жилья по договору социального найма, которые в большинстве регионов составляют 15-18 квадратных метров на одного человека. Также учитывается рыночная стоимость объекта недвижимости, его расположение и класс. Такой подход неизбежно влечет за собой риск судебной субъективизма и отсутствие единообразия в судебной практике разных регионов.

Не менее сложным является вопрос о механизме предоставления замещающего жилья. Законодательство о банкротстве до сих пор не содержит регламентации того, за чей счет и в каком порядке должно приобретаться новое жилье до момента продажи старого. Возникает процедурный тупик: у должника-

банкрота нет средств на покупку, а средства от продажи элитного жилья еще не поступили.

На практике данный пробел восполняется за счет инициативы кредиторов. Сложилась схема, при которой собрание кредиторов принимает решение о приобретении замещающего жилья за свой счет (либо за счет одного из мажоритарных кредиторов). Впоследствии, после реализации дорогостоящей недвижимости должника на торгах, затраты кредиторов на покупку замещающего жилья компенсируются из вырученных средств в приоритетном порядке. Однако такая схема несет в себе риски для кредиторов и требует высокой степени самоорганизации.

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что трансформация исполнительского иммунитета от абсолютного к относительному является важным и необходимым шагом на пути к формированию более справедливого и сбалансированного гражданского оборота. Отказ от формального подхода позволяет бороться со злоупотреблениями и защищать интересы пострадавших кредиторов.

Вместе с тем, текущая ситуация, которую можно охарактеризовать как период «судебного нормотворчества», создает значительную правовую неопределенность. Отсутствие прямого законодательного регулирования оставляет слишком широкие пределы для судебного усмотрения.

Для окончательного решения проблемы необходимы комплексные законодательные поправки в Гражданский процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». Законодатель должен четко закрепить:

1. Унифицированную методику расчета избыточной площади и критерии отнесения жилья к категории роскошного, чтобы исключить разночтения.

2. Детальный порядок приобретения замещающего жилья, определяющий источники финансирования и последовательность действий финансового управляющего.

3. Систему гарантий для членов семьи должника, обеспечивающую их права при вынужденном переезде в меньшее жилое помещение.

Только закрепление данных положений на уровне федерального закона позволит исключить субъективизм судов, обеспечит единообразие правоприменительной практики и восстановит реальный баланс прав должников и кредиторов.

Библиографический список

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второй части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"».

2. Егоров А.В. Дело о единственном жилье в Конституционном Суде // Вестник экономического правосудия РФ. – 2021.

3. Гутников О.В. Конституционные пределы обращения взыскания на имущество граждан // Журнал российского права. – 2021.

БИЖЕВ МУХАМЕД АНАТОЛЬЕВИЧ – студент, Университет «Синергия», Россия.

О.А. Немчинова

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЫ

В данной статье рассматривается вопрос преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, особое внимание уделяется составу государственной измены по статье 275 УК РФ. Предлагаются меры по совершенствованию законодательства, включающие четкое определение организаций, сотрудничество с которыми недопустимо, и устранение неопределенности в трактовке статей 275 и 275.1 УК РФ. Отмечается позитивная роль статьи 275 УК РФ в обеспечении национальной безопасности и защите государственных интересов.

Ключевые слова: государственная измена, уголовная ответственность, судебная статистика, квалификационные вопросы, законодательные поправки.

Отдельные граждане нашего общества, не в полной мере или вообще не осознав значимость происходящих событий, совершают действия, направленные на дестабилизацию общества. Но наиболее опасными в сложившейся обстановке являются деяния тех лиц, которые умышленно способствуют деструктивной деятельности со стороны иностранных государств или международных либо иностранных организаций, направленной против безопасности РФ. [1]

В противостоянии этому важную роль играет уголовно-правовая политика, которая оперативно реагирует на попытки воздействия на внутреннюю и внешнюю безопасность Российской Федерации. После начала СВО в уголовное законодательство был внесен ряд поправок, направленных на усиление уголовной ответственности за общественно опасные деяния, подрывающие безопасность РФ. Среди таких законодательных новшеств следует отметить изменения в составе государственной измены (ст. 275 УК РФ). [2]

На фоне таких изменений в уголовном праве, направленных на усиление ответственности за совершение такого преступления как государственная измена, необходимо обратить внимание на вопросы квалификаций данной уголовно-правовой нормы.

Согласно официальным данным судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за государственную измену в 2012 г. осуждено 6 человек, в 2013 г. – 4, в 2014 г. – 15, в 2015 г. – 6, в 2016 г. – 14, в 2017 г. – 4, в 2018 г. – 4, в 2019 г. – 8, в 2020 г. – 6, в 2021 г. – 14. [3]

По итогам 2022 г. вынесено 10 приговоров за государственную измену. [4]

В 2023 году суды признали виновными по статье 275 УК РФ 39 россиян, за 2024 год – 145 человек. За первое полугодие 2025 года – 105 человек. [5]

Практика применения статьи выявила отдельные вопросы квалификации таких преступлений.

Неоднозначность сохраняется в отношении пленения лиц. Так, ст. 275 УК РФ отграничила ее квалификацию от ст. 352.1 УК РФ. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» [6], если лицо добровольно сдалось в плен, но не стало участвовать против РФ в военном конфликте, если же такие действия имели место, то его действия подпадают под признаки состава преступления ст. 275 УК РФ. Можно лишь включить дополнение в примечание ст. 275 УК РФ тем, что под участием необходимо понимать не только непосредственную деятельность, как солдата, но и, например, предоставление консультаций, оказание помощи любого рода. Такое дополнение позволяет однозначно квалифицировать наличие или отсутствие состава преступления по ст. 275 УК РФ.

Большая неоднозначность применения ст. 275 УК РФ имеет место в том случае, если лицо попадает в плен недобровольно, но под пытками предоставляет противнику конфиденциальную информацию. [7]

© О.А. Немчинова, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

С одной стороны, рассматривая нормативно-правовые акты, можно указать, что это деяние, квалифицирующееся как государственная измена. Это же может доказать Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 01.03.2024) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» [8]. Таким образом, даже информация о строении боевой машины может стать причиной предъявления обвинения по ст. 275 УК РФ. Также международное законодательство прямо запрещает пытки в отношении военнопленных, но, фактически, она не соблюдается.

С другой стороны, в ст. 275 УК РФ не указано освобождение от ответственности в таком случае, лицо, может быть, к ней привлечено в представленной ситуации. Более того, следы пытки могут не существовать – она может проводиться психологически. Таким образом, крайне важно сформировать однозначную позицию законодателя по этому вопросу и включить ее в статью, например, указав, что предоставление сведений под пытками не является причиной для отказа от ответственности по статье 275 УК РФ.

Еще один немаловажный вопрос связан с введением в 2022 году ст. 275.1 «Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией», которая предполагает ответственность за установление и поддержание гражданином Российской Федерации отношений сотрудничества на конфиденциальной основе с представителем иностранного государства, международной либо иностранной организации в целях оказания им содействия в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации, если при том отсутствуют признаки преступления, предусмотренного ст. 275 УК РФ. Представляется, что в соответствии с данной нормой предусмотрена ответственность только за сам факт установления и поддержания гражданином указанных отношений сотрудничества. Если же на фоне такого установленного сотрудничества гражданин РФ совершает действия, предусмотренные ст. 275 УК РФ, то ответственность наступает именно за государственную измену [9].

Данное исследование демонстрирует значительный прогресс в практике применения статьи 275 УК РФ, что положительно скажется на судебной практике. Подчеркивается необходимость уточнения нормативных положений, что поможет снизить неоднозначность в квалификации преступлений, связанных с государственной изменой. В результате это повысит юридическую определенность, обеспечит более справедливое и единообразное применение закона, а также укрепит правовую защиту граждан и государственных интересов.

Библиографический список

1. Государственная измена как угроза национальной безопасности России: духовно-нравственный, криминально-психологический и уголовно-правовой аспекты / К. М. Лобзов, А. В. Богданов, И. И. Ильинский [и др.]. – Новосибирск : Новосибирский военный институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954. Ст. 275.
3. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
4. «Что-то из ряда вон»: как меняется число дел о госизмене. URL: <https://news.ru/society/что-то-izryada-von-kak-menyaetsya-chislo-del-o-gosizmene/>.
5. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17>.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 N 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // «Российская газета», N 120, 02.06.2023.
7. Власенко, В. В. Добровольная сдача в плен (ст. 352 УК РФ): вопросы уголовной ответственности и освобождения от нее / В. В. Власенко // Уголовное право. – 2023. – № 3(151).
8. Указ Президента РФ от 10.11.2007 N 1495 (ред. от 24.06.2025) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации») // «Собрание законодательства РФ», 19.11.2007, N 47 (1 ч.), ст. 5749.
9. Пожарская, В. В. Государственная измена: правовое регулирование и проблемы квалификации / В. В. Пожарская, О. С. Шумилина // Наука и образование: отечественный и зарубежный опыт: Сборник трудов Шестидесятой международной научно-практической конференции, Белгород, 30 октября 2023 года. – Белгород: ООО «ГиК», 2023.

НЕМЧИНОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

С.Ф. Кабланбаева

ПОНЯТИЕ И ПРОЦЕДУРА СУДЕБНОГО ДОКАЗЫВАНИЯ

Статья посвящена исследованию цифровых (электронных) доказательств в системе гражданского судопроизводства. В частности, рассматривается проблема их удостоверения и закрепления в суде на стадиях их исследования и оценки.

Ключевые слова: доказательства, процесс доказывания, электронные доказательства, стадии.

Судебное доказывание — один из центральных этапов судебного процесса, определяющий возможность установления истины по делу. Оно представляет собой систему специальных юридических действий, направленных на сбор, оценку и представление доказательств в суде с целью подтверждения или опровержения фактов, имеющих значение для правильного разрешения дела.

Под судебным доказыванием понимается совокупность процессуальных действий участников судебного производства, направленных на установление обстоятельств, имеющих юридическое значение для вынесения судебного решения. В современном уголовном, гражданском и административном судопроизводстве доказательства играют ключевую роль, позволяя суду объективно разобраться в обстоятельствах дела.

Основной целью судебного доказывания является обеспечение выполнения принципа состязательности, равенства сторон и права на справедливый суд. Оно предполагает не только сбор и исследование доказательств, но и их оценку в соответствии с установленными нормами права.

Процедура судебного доказывания включает несколько последовательных этапов:

Подача и исследование доказательств: стороны, обвинение или защита предоставляют суду доказательства, которые могут быть документальными, свидетельскими, вещественными или иными. Суд исследует источники информации, соблюдая правила допустимости и релевантности доказательств.

Доказательственное производство: включает допрос свидетелей, экспертизы, выемки документов и вещественных доказательств, а также иные процессуальные действия, способствующие сбору информации.

Оценка доказательств: суд оценивает материалы по степени их доказательственной силы, анализируя достоверность, логическую связь и соответствие обстоятельствам дела. Важным принципом является всестороннее, полное и объективное исследование доказательственного материала.

Формирование доказательственной базы: итогом данного этапа является комплекс научных и юридических выводов, которыми суд руководствуется при принятии решения.

Таким образом, судебное доказывание — сложный и многоэтапный процесс, который требует четкого соблюдения процессуальных правил, объективности и профессиональной компетентности судей и участников производства. Правильное осуществление процедуры позволяет обеспечить справедливость, законность и обоснованность судебных решений.

Важной составляющей судебного доказывания является принцип презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве и принцип диспозитивности в гражданском. Они предусматривают, что бремя доказывания лежит на стороне, которая обвиняет или заявляет о фактах, требующих подтверждения. Это гарантирует, что обвиняемый или ответчик не может быть признан виновным без убедительных и допустимых доказательств, а сторона, инициирующая иск или обвинение, должна доказать свои утверждения.

Процедура судебного доказывания также включает возможность оценки доказательств судом с учетом их совокупности, баланса между ними и логической связи с фактическими обстоятельствами дела. Объективность оценки достигается посредством использования правил толкования и критериев оценки доказательств, таких как достоверность, достаточность и соответствие требованиям закона.

К доказательствам по гражданским делам установлены специальные требования: относимость, допустимость, достоверность и достаточность. Решение по делу будет обоснованным, когда имеющиеся значение для дела факты будут подтверждены исследованными судом доказательствами и будут соответствовать вышеуказанным требованиям. Глава 6 ГПК РФ содержит перечень видов доказательств: - объяснения сторон и третьих лиц — информация, сообщённая ими суду в устной или письменной форме, касающаяся обстоятельств рассматриваемого дела, - показания свидетелей — сведения, предоставлен-

© С.Ф. Кабланбаева, 2026.

Научный руководитель: *Афанасьева Мария Павловна* – кандидат юридических наук, Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, Россия.

ные физическими лицами, которым известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для судебного разбирательства, - письменные доказательства — акты, договоры, справки, деловая корреспонденция и другие документы, содержащие сведения об обстоятельствах дела, - вещественные доказательства — предметы, которые по своим признакам служат средством установления обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения конкретного дела, - аудио- и видеозаписи — доказательства на электронных и иных носителях информации. Цифровые (электронные) доказательства в гражданском процессе. С развитием информационных технологий в отдельную подгруппу стали выделять цифровые (электронные) доказательства, которые были получены путем электронной и иной связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документы, подписанные электронно-цифровой подписью.

В гражданском процессуальном кодексе такие доказательства прямо не закреплены, а имеют место лишь в теории гражданского процессуального права, в которой разные ученые трактуют цифровые (электронные) доказательства по-своему. В своих работах Боннер А.Т. не дает точного определения термину цифровые или электронные доказательства, а лишь перечисляет, что к ним можно отнести, оставляя при этом указанный список открытым и незаконченным, к ним он, например, относит электронные документы, информацию из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», показания технических средств. При этом все доказательства Боннер А.Т. разделяет на три группы: в первую он относит традиционные доказательства, установленные Гражданским процессуальным кодексом, во вторую группу он отдельно выделяет аудио- и видеозаписи, ну и в третью группу он включает все иные источники информации, в том числе и цифровые (электронные) доказательства. Оставляя перечень иных доказательств открытым, Боннер А.Т. полагает, что его он постепенно будет пополняться и на такие доказательства все чаще и чаще будут ссылаться стороны гражданского судопроизводства, а значение указанных им традиционных доказательств постепенно снизится. [1]

В настоящее время институт цифровых (электронных) доказательств в Российской Федерации развит весьма слабо, ведь даже многие научные деятели до конца не определили, что же к ним все-таки относится. В настоящее время большинство авторов придерживаются позиции, что цифровые (электронные) доказательства являются подгруппой письменных доказательств и относят к ним документационные материалы, выполненные в цифровом формате или в виде графической записи, либо материалы, полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, а также сведения, полученные из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и документы, подписанные электронно-цифровой подписью. Некоторые авторы придерживаются позиции, что цифровые (электронные) доказательства следует относить к вещественным доказательствам. [2]

В настоящее время законодателем не определена значимость цифровых (электронных) доказательств, например, фотоснимков, которые в судебных разбирательствах приобщаются в формате распечатки на листах А4 и носят скорее характер письменных доказательств. Очевидно, что электронные документы и прочие материалы приобщаются к делу в распечатанном виде, в связи с чем остро стоит вопрос о форме закрепления цифровых (электронных) доказательств. [3] Приобщение цифровых носителей к материалам гражданского дела носит сугубо материальный характер и требует дополнительных траты на приобретение цифровых носителей, таким образом, для сторон гражданского судопроизводства данное положение может оказаться проблематичным, например, ввиду своего материального положения.

Таким образом, прогресс в развитии информационных технологий оказал значительное влияние на эволюцию средств доказывания в гражданском суде. С одной стороны, появление цифровых (электронных) доказательств обуславливает необходимость введения и закрепления на законодательном уровне новых положений, касающихся таких доказательств, с целью обеспечения реализации прав на защиту сторон гражданского судопроизводства.

Библиографический список

1. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. – Москва: Проспект, 2016. – 613 с.
2. Гражданский процесс: Учебник (5-е издание, переработанное и дополненное) / Под ред. М.К. Треушникова. — М.: Статут, 2014. – 464 с.
3. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / под ред. В. В. Яркова. – М.: Статут, 2017. – 720 с

КАБЛАНБАЕВА СВЕТЛАНА ФАРИТОЛЛАЕВНА - магистрант Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, Россия.

С.Ф. Кабланбаева

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

В данном исследовании установлено, что на сегодняшний день суд может рассматривать электронные доказательства в качестве надлежащих доказательств по гражданскому делу только в том случае, если они удостоверены нотариусом.

Ключевые слова: доказательства, электронные доказательства, средства доказывания, электронный документ.

Современное развитие информационных технологий значительно изменило подходы к сбору, представлению и оценке доказательственной базы в гражданском процессе. Одним из важных шагов в этом направлении стало внедрение электронных доказательств, которые в последние годы приобрели все большую значимость и стали неотъемлемой частью правового оформления судебных дел.

Электронные доказательства — это сведения и документы, представляемые в форме электронных данных, которые подтверждают или опровергают фактические обстоятельства дела. В их число входят электронные письма, SMS-сообщения, фотографии и видеофайлы, электронные документы, сведения, содержащиеся в базах данных, а также любые другие сведения в электронном виде.

Такие доказательства отличаются высокой скоростью передачи, удобством хранения и обработкой, а также возможностью получения из любых источников, подключенных к сети Интернет. В то же время, основные требования к электронным доказательствам — их подлинность, целостность, актуальность и admissibility (допустимость), — остаются в центре внимания юридической науки и практики.

Значение и особенности электронных доказательств в гражданском процессе

Использование электронных доказательств расширяет возможности сторон и судов при рассмотрении дел. Они позволяют быстро и удобно получать подтверждающие материалы, что способствует более объективному и всестороннему выяснению обстоятельств дела.

Однако, существует ряд особенностей, связанных с этим типом доказательств. В первую очередь, речь идет о необходимости установления их подлинности и надежности. Например, необходимо доказать, что электронное сообщение не было изменено или подделано. Для этого применяются методы цифровой подписи, электронной, криптографические средства защиты.

Также важное значение имеет правильное хранение и представление электронных доказательств, так как их повреждение или потеря могут привести к недоверию со стороны суда.

Правовые нормы, регулирующие использование электронных доказательств, постоянно совершенствуются. В российском праве закреплены положения о допустимости таких доказательств в Гражданском процессуальном кодексе, а также международные стандарты и рекомендации.

Электронные доказательства существенно меняют ландшафт гражданского судопроизводства, предоставляя сторонам новые возможности для защиты своих прав и интересов. Их правильное использование, соблюдение требований о подлинности и допустимости, а также развитие нормативных аспектов — ключ к эффективной интеграции информационных технологий в систему правосудия. В будущем роль электронных доказательств будет только расти, что предполагает необходимость постоянного совершенствования законодательства и судебной практики в этой области.

Дальнейшее развитие технологий открывает новые горизонты для использования электронных доказательств, а также вызывает ряд вызовов. Так, внедрение автоматизированных систем для подтверждения подлинности электронных данных, использование блокчейн-технологий для надежного хранения доказательств и автоматизированные системы экспертизы — все это может значительно повысить эффективность гражданского судопроизводства.

Однако, одновременно возникают сложности, связанные с кибербезопасностью, защите данных и предотвращением подделок. Например, злоумышленники могут использовать методы фальсификации электронных сообщений или внедрения вредоносных программ, что усложняет задачи установления

© С.Ф. Кабланбаева, 2026.

Научный руководитель: *Афанасьева Мария Павловна* — кандидат юридических наук, Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, Россия.

подлинности доказательств. В связи с этим, особое значение приобретает развитие специальных технических средств и нормативных актов, регулирующих использование и защиту электронных доказательств.

Еще одним важным аспектом является образовательная подготовка судей, адвокатов и иных участников процесса по особенностям работы с электронными доказательствами, так как их эффективность во многом зависит от уровня компетентности участников судебного разбирательства.

Использование электронных доказательств в гражданском процессе — важнейшее направление модернизации судебной системы. Оно открывает широкие возможности для более оперативного, точного и объективного рассмотрения дел, увеличивая роль современных технологий в обеспечении правосудия. Однако успешная интеграция электронных доказательств требует четкого регулирования, технической поддержки и повышения профессиональной компетентности участников судебного процесса.

На практике это означает необходимость постоянного совершенствования нормативно-правовой базы, создания эффективных методов защиты электронных доказательств и формирования культуры их правильного использования. Эти меры позволят сделать гражданское судопроизводство более прозрачным, объективным и отвечающим требованиям современности.

Согласно положениям гражданского законодательства доказательствами по делу являются сведения о фактах. Только на основе представленных доказательств суд может установить обстоятельства, которые имели место в реальной действительности, то есть найти истину [1]. С.В. Курьлев в своей научной работе определяет судебные доказательства как фактические данные. На основе этих данных суд может установить неизвестные ему искомые факты, которые имели место в объективной реальности, и на основе которых может быть установлена вина того или иного лица или напротив доказана его невиновность [2]. Таким образом, фактические обстоятельства дела могут быть установлены при помощи судебных доказательств и представлены в различных формах. В научной литературе нет единой классификации доказательств, а ГПК РФ устанавливает, что доказательства могут быть письменными, вещественными или представлены в различных иных формах, установленных законом [3]. Особый интерес вызывает вопрос: можно ли рассматривать электронные доказательства в качестве доказательств по делу в гражданском процессе? XXI век – век активной цифровизации общества. Наблюдает быстрое развитие информационных и компьютерных технологий [4]. Люди обмениваются между собой различными сведениями, представленными в виде смс-сообщений в таких информационных системах как Skype, Whatsapp, Telegramm и многих других. Практически у каждого есть мобильное устройство, благодаря которому может быть осуществлена аудио- или видеозапись или может быть отправлен электронный документ. Многие авторы высказывают мнение о том, что сведения, которые отправлены при помощи вышеназванных систем прикладного обеспечения, можно рассматривать в качестве электронных доказательств по гражданскому делу [5]. Да и в целом на сегодняшний день законодатель не запрещает использовать сведения, полученные через информационный носитель, в качестве доказательств по делу. Однако такие доказательства должны быть представлены в объективно выраженной форме, то есть в письменном виде, и в таком случае они относятся к категории письменных доказательств. Следует иметь в виду, что электронные сообщения или иная информация, расположенная на цифровом устройстве, должна не просто быть распечатана и предоставлена суду. Верховный суд РФ определил, что такого вида доказательства могут быть признаны судом в качестве надлежащих, только если они заверены должным образом, а именно у нотариуса, который может проверить точный IP-адрес интернет-сайта, а также установит время, в которое были получены те или иные сведения (информация) [6]. Например, А.М. Митрофанова предлагает изменить наименование «письменные доказательства» на «документальные доказательства». По ее мнению, «документальные доказательства» будут представлены совокупностью письменных и электронных доказательств. Такого вида дополнение механизма правового регулирования, по мнению автора, будет положительно сказываться на общем процессе осуществления гражданского судопроизводства [7].

Библиографический список

1. Гринь Е.А. Оценочный признак общеизвестных фактов // В сборнике: Правовое обеспечение агропромышленного комплекса: современное правовое регулирование и перспективы развития законодательства. Сборник статей II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (симпозиума). Краснодар, 2021. С. 78-82.
2. Курьлев С.В. Доказывание и его место в процессе судебного познания (В аспекте гражданско-процессуального права) // Тр. Сер. юрид. / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 1955. Т. 13. С. 37-67.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Гринь Е.А. Применение современных информационных и компьютерных технологий в гражданском судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2021. № 4 (196). С. 120-125.
4. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019. 656 с.

5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 г. №10 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Митрофанова М.А. Электронные доказательства и принцип непосредственности: Автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 28 с.

7. Дёмин А.А., Ванчиков А.С. Электронное доказательство в гражданском и арбитражном процессах // Вопросы российской юстиции. 2020. №9. С. 1190-1197.

КАБЛАНБАЕВА СВЕТЛАНА ФАРИТОЛЛАЕВНА - магистрант Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, Россия.

П.В. Молчанов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

В работе исследуются некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями, предусмотренных статьей 285 УК РФ.

Ключевые слова: должностные преступления, должностное лицо, злоупотребление должностными полномочиями, квалификационные ошибки.

Актуальность темы исследования определяется тем, что на сегодняшний день проблема превышения должностных полномочий стоит как никогда остро. Данный вид преступности создает серьезное препятствие на пути построения правового государства, гражданского общества, а также рыночной экономики и, как следствие, выражается в дискредитации всей системы государственной власти, тем самым снижая уровень доверия к ней со стороны граждан. Проблемы возникают из-за различных факторов. Это недоработки и пробелы законодательства, непроработанное толкование статьи, а также несогласованность понятий.

При злоупотреблении должностными полномочиями (статья 285 УК РФ) должностное лицо действует вопреки интересам службы в собственных корыстных целях, используя имеющиеся полномочия. При этом обязательным условием для трактовки деяния по данной статье должно иметь место существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [1].

Согласно делу № 1–86/2020, гражданка являлась высшим должностным лицом муниципального образования. У сожителя гражданки, который ранее состоял с ней в браке, образовалась задолженность перед Администрацией сельсовета. Гражданка, занимая указанную должность, наделена полномочиями по решению вопросов местного значения и выполнения административно-хозяйственных и организационно-распорядительных функций. В ее функции входило решение вопросов по владению, распоряжению и пользованию имуществом, находящимся на балансе Шастовского сельсовета, что указано в Уставе Шастовского сельсовета Варгашинского района Курганской области (п. 3 ч. 1 ст. 6). Задолженность, возникающая перед Администрацией сельсовета, является частью средств местного бюджета, который входит в состав муниципальной собственности. Так, злоупотребляя своими должностными полномочиями, распоряжаясь имуществом сельсовета, гражданка решила, что Администрация не нуждается в имуществе, которое входит в состав образовавшейся задолженности. Действуя умышленно, противозаконно и имея личную заинтересованность, с целью содействия своему сожителю с применением собственного служебного положения, гражданка написала в Отдел судебных приставов заявление об окончании исполнительного производства о взыскании с ее сожителя задолженности в пользу Администрации, отозвала исполнительный лист [8]. Так, гражданка злоупотребила собственными должностными полномочиями. Данное преступление квалифицировано судом по ст. 285 УК РФ (ч. 2) [6].

Также одним из основных вопросов, решение которых необходимо для правильной квалификации данных преступлений, является определение должностного лица. Содержание этого понятия раскрывается в примечании к ст. 285 УК РФ, согласно которому должностными признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации [1].

Так, например, преподаватель государственного университета признан виновным и осужден за получение взяток неоднократно. Доводы осужденного, изложенные в жалобах, о том, что он не является должностным лицом и, следовательно, – субъектом должностного преступления, Верховный Суд РФ признал необоснованными. В соответствии с приказом ректора университета от 15 апреля 1996 г. этот преподаватель входил в состав государственной аттестационной комиссии университета в качестве экзаменатора и в установленном законом порядке был наделен правами и обязанностями по приему экзаменов у

студентов, т. е. организационно-распорядительными функциями, которыми наделены должностные лица. Неудовлетворительная сдача экзаменов влекла для студентов правовые последствия – не назначение стипендии, отчисление из вуза, передачу экзаменов [4].

Отдельное внимание Пленум обращает на возможность совершения преступления по ст. 285 УК РФ в форме бездействия, указав, что ответственность наступает также за умышленное неисполнение должностным лицом своих обязанностей в том случае, если подобное бездействие было совершено из корыстной или иной личной заинтересованности, объективно противоречило тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями, и повлекло существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства. Следует иметь в виду, что в ст. 285 УК РФ речь идет об использовании должностным лицом не своего служебного положения, а именно своих служебных полномочий [3].

В этой связи в п.22 постановления от 16 октября 2009г. №19 Пленум Верховного Суда РФ указал, что при рассмотрении уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ судам надлежит выяснять, какими нормативными правовыми актами, а также иными документами установлены права и обязанности обвиняемого должностного лица, с приведением их в приговоре и указывать, злоупотребление какими из этих прав и обязанностей или превышение каких из них вменяется ему в вину, со ссылкой на конкретные нормы [2].

Следовательно, не будет состава должностного преступления в случае, если действия лица не связаны с его должностной компетенцией [9]. Примером этого является уголовное дело в отношении В., осужденного Перовским районным судом г. Москвы по ч. 2 ст. 293 УК РФ. Согласно приговору он признан виновным в том, что, являясь должностным лицом – заведующим отделением анестезиологии, реанимации и интенсивной терапии Спаса-Перовского госпиталя мира и милосердия, после проведения хирургами операций кесарева сечения роженицам Б. и Т., в которых он также принимал участие в качестве врача-анестезиолога, не определив групповую принадлежность крови, находящейся в двух контейнерах, надеясь на правильность наклеенных им маркировок, произвел переливание крови Т. и Б., однако перепутал контейнеры с кровью и перелил Б. кровь Т., а кровь Б. – Т.; в результате у Б. развился геморрагический шок II-III степени, что причинило ей тяжкий вред здоровью, а Т. причинен легкий вред здоровью. Судебная коллегия отметила, что забор и переливание крови В. осуществлял как врач, а не как должностное лицо – заведующий отделением анестезиологии, реанимации и интенсивной терапии. Он как врач-анестезиолог, проводивший анестезию Б. (что исключало на тот момент производство им переливания крови), взяв на себя функции врача-трансфузиолога, должен был профессионально исполнить обязанности и этого специалиста. С учетом изложенного Судебная коллегия изменила состоявшиеся по делу судебные решения и переквалифицировала действия осужденного на ч. 2 ст. 118 УК РФ как причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей [7].

С учетом изложенного можно сделать вывод, что в настоящее время существует реальная необходимость в следующем:

- принятие дополнительных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данной категории дел, учитывающих новые положения уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями, которое предполагает как действие, так и бездействие;
- дополнение перечня личной заинтересованности и корыстного мотива;
- разработка новых методик по борьбе с данными преступными деяниями [5].

Библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954. Ст. 230.1.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Собрание законодательства РФ. Вып. № 12. 2009.
3. Андрианов В.К. Некоторые вопросы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением должностными полномочиями и превышением должностных полномочий / В.К. Андрианов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – №3.
4. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1999. – №3. – С.20.
5. Галахова А.В. Должностные преступления / А.В. Галахова. М., 1998. С.17.
6. Леткеман К.А. Уголовно-правовая характеристика злоупотребления должностными полномочиями / К.А. Леткеман. Текст: непосредственный // Новый юридический вестник. 2022. № 1 (34). С. 49-52.
7. Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за 2007 год // БВС РФ. 2008. №10. С.23.

8. Приговор Варгашинского районного суда Курганской области по делу № 1–86/2020 [Электронный ресурс]. <https://sudact.ru/regular/doc/OtqhjaYUE8US/>. (дата обращения: 15.12.2025).

9. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 – Юриспруденция и специальности 40.05.02 – Правоохранительная деятельность / [Коняхин В. П. и др.]; под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой; Кубанский гос. ун-т. — Москва: Контракт, 2015. — 923 с.

МОЛЧАНОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

П.В. Молчанов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются наиболее сложные вопросы квалификации вымогательства, вытекающие из анализа судебной практики по данной категории преступлений.

Ключевые слова: вымогательство, квалификация, гражданско-правовые отношения, угроза.

Представляется важным рассмотреть вопросы квалификации вымогательства, которые вызывают наибольшие трудности при практическом применении положений ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [1].

Актуальность исследуемой темы обусловлена тем, что, несмотря на активные меры борьбы, факты вымогательства все еще достаточно распространены на практике. Согласно официальным данным, за 2024 г. сотрудниками правоохранительных органов было выявлено 1260 фактов вымогательства, за совершение которых 1 838 лиц было осуждено к отбыванию различных видов наказаний. Указанные показатели несколько снизились по сравнению с 2023 г., когда было выявлено 1 310 фактов вымогательства, за совершение которых было осуждено к отбыванию различных видов наказаний 1 971 человек [7].

Достаточно высокие количественные показатели свидетельствуют о том, что применяемые меры противодействия рассматриваемому преступлению являются недостаточно эффективными, в связи с чем, требуется более углубленное исследование данной темы.

Уголовная ответственность за вымогательство предусмотрена ст. 163 УК РФ. В соответствии с ч. 1 указанной статьи, вымогательство представляет собой «... требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» [1].

Определяя характер угрозы, которая является типичной для рассматриваемого преступления, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что она должна восприниматься потерпевшим как реальная [2].

Для квалификации содеянного как вымогательства факт реализации виновным высказанной угрозы не имеет значения. Одновременно с этим, фактическая реализация угрозы потребует дополнительной квалификации по соответствующей уголовно-правовой норме, так как такие действия не охватываются диспозицией по ч. 1 ст. 163 УК РФ.

Так, Приговором Апшеронского районного суда (Краснодарский край) от 8 февраля 2024 г. по делу № 1-36/2024 был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 163 и ч. 1 ст. 112 УК РФ, гражданин. Согласно материалам уголовного дела, виновный, который находился в гостях у потерпевшего, высказав угрозу причинением вреда здоровью, потребовал от него передачи денежных средств в неопределенной сумме. Потерпевший ответил отказом, после чего виновный нанес ему несколько ударов руками и ногами в разные части тела, после чего повторил свои требования. Боясь продолжения побоев, потерпевший передал ему денежную сумму в размере 3000 рублей, после чего виновный покинул жилое помещение. По результатам судебно-медицинской экспертизы было установлено причинение вреда здоровью средней тяжести [4].

В связи со стремительным развитием информационных технологий сформировались новые электронные площадки, позволяющие свободно размещать и распространять с их помощью любую информацию. В данном случае речь идет о социальных сетях и мессенджерах, которые на практике используются не только с целью распространения познавательного контента, но и с противоправными целями. Набирает популярность вымогательство, которое сопровождается угрозами размещения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, в сети Интернет [3].

Так, например, приговором Воткинского районного суда (Удмуртская Республика) от 13 февраля 2024 г. по делу № 1-166/2024 был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 163 УК РФ, гражданин. Согласно материалам уголовного дела, виновный состоял в виртуальной переписке с потерпевшей в социальной сети «ВКонтакте». В процессе общения виновный получил от

потерпевшей две фотографии и видеозапись, имеющие интимный характер. Действуя из корыстных побуждений, виновный потребовал от потерпевшей денежную сумму в размере 5 000 рублей, пригрозив в случае отказа распространением указанных материалов в сети Интернет. Потерпевшая ответила виновному отказом. Спустя определенное время виновный повторил свои требования, сопровождая их теми же угрозами. Потерпевшая также ответила отказом, но, восприняв соответствующую угрозу как реальную, обратилась с заявлением в полицию [6].

Необходимо отметить, что сведения о реально совершенном лицом или его близкими преступлении не всегда относятся к позорящим. Потерпевший пытается сохранить эти сведения в тайне, боясь возможного привлечения к уголовной ответственности, в связи с чем угроза оказывает на него стимулирующее воздействие. Учитывая изложенное, угроза распространить сведения о действительно совершенном преступлении должна составлять объективную сторону вымогательства.

Редакция действующей нормы (ст. 163 УК РФ) не дает возможности отнести данные сведения ни к позорящим потерпевшего или его близких, ни к иным сведениям, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам указанных лиц.

Например, приговором Вологодского городского суда К. и Л. были осуждены за совершение преступления, предусмотренного п. п. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ. У К. и Л. имелись видеозаписи, которые содержали информацию о причастности Щ. к заказу убийства Д. К. и Л. незаконно требовали у Щ. денежные средства в крупном размере, угрожая при этом передать указанные видеозаписи в правоохранительные органы для возбуждения в отношении Щ. уголовного дела [5].

В данном случае суд установил, что именно страх перед возможным разоблачением заставил потерпевшего выполнить требования вымогателей и передать им требуемую сумму денег.

Таким образом, проведенный нами анализ правоприменительной практики позволил прийти к выводу о том, что нормы, устанавливающие уголовную ответственность за вымогательство, требуют внесения ряда изменений.

В частности, считаем необходимым:

- дополнить диспозицию ч. 3 ст. 163 УК РФ новым пунктом, закрепляющим квалифицирующий признак рассматриваемого деяния, - «сопряженное с угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, в сети Интернет»;

- дополнить диспозицию ч. 1 ст. 163 УК РФ пунктом, охватывающим случаи, связанные с фактической реализацией угрозы. Так как фактическая реализация угрозы требует дополнительной квалификации по соответствующей уголовно-правовой норме, так как такие действия не охватываются диспозицией по ч. 1 ст. 163 УК РФ;

- дополнить ст. 163 УК РФ пунктом, охватывающим случаи, связанные со сведениями о реально совершенном лицом или его близкими преступлении.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. От 13.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 г. Москва «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. – 2015. – 28 декабря.
3. Плаксина Т.А. Вымогательство под угрозой распространения сведений о потерпевшем или его близких: новые проблемы квалификации / Т.А. Плаксина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23-2. С. 48-49.
4. Приговор Апшеронского районного суда (Краснодарский край) от 8.02.2024 по делу № 1-36/2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/5u1NvDsuS3Jd/>, свободный. (дата обращения: 15.12.2025).
5. Приговор Вологодского городского суда от 17 ноября 2018 г. № 1–721/2018. <http://sudact.ru/>. (дата обращения: 15.12.2025).
6. Приговор Воткинского районного суда (Удмуртская Республика) от 13.02.2024 по делу № 1-166/2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/Ghrw9VEzzg6j/>, свободный. (дата обращения: 15.12.2025).
7. Судебная статистика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t11/s/1>, свободный. (дата обращения: 15.12.2025).

МОЛЧАНОВ ПАВЕЛ ВЛАДИМИРОВИЧ – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

В.Е. Ржанников

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 264 УК РФ

В статье рассматривается 264 статья УК РФ. Сложность квалификации данной статьи обусловлена его спецификой: таких как состояние опьянения как квалифицирующий признак, оставление места ДТП (ст. 264.1 УК РФ), а также установление причинно-следственной связи между нарушением ПДД и последствиями. Все это требует единообразного подхода при квалификации.

Ключевые слова: *Квалификация преступлений, нарушение правил дорожного движения, транспортное средство, оставление места ДТП, уголовное наказание.*

Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, регулируемое статьёй 264 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее «УК РФ») [3], представляет собой одно из сложных для квалификации деяний в системе уголовного права. Сложности возникают в связи с неопределённостью ряда правовых категорий и различиями в подходах к квалификации действий субъектов. Это особенно актуально в контексте судебной практики, где часто возникают проблемы квалификации.

Так Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [2] указало, что судам следует обратить, что уголовная ответственность за совершенное преступление статьей 264 УК РФ, может только если наступают последствия, указанные в этой статье. Обязательно эти последствия должны находиться в причинной связи с нарушениями правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а также указывать в чем конкретно выразилось это нарушение.

Нередко в постановлениях о привлечении в качестве обвиняемого, а как следствие и в приговорах суда содержится только перечень всех допущенных водителями нарушений, которые не находятся в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями, что приводит к неточной формулировке вины водителя. Например, С., следуя по правой полосе движения, при возникновении опасности для его движения, которую он в состоянии был обнаружить, в виде автопоезда в составе автомобиля «КАМАЗ 53212», с прицепом «ГКБ-8350», под управлением водителя Ф., следовавшего впереди него в попутном с ним направлении, также по правой полосе движения, нарушил требования пунктов 1.5, 9.10, 10.1 Правил дорожного движения РФ (далее «ПДД РФ») [5]. Некоторые суды поясняют более подробно, таким образом, Л. нарушил п.2.1.1 (водитель механического транспортного средства обязан иметь при себе водительское удостоверение или временное разрешение на право управления транспортным средством соответствующей категории или подкатегории) и п. 2.7 (водителю запрещается управлять транспортным средством в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения) ПДД РФ.

Одним из наиболее острых вопросов является определение субъекта уголовной ответственности в транспортных преступлениях. Так, не подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ пассажир, который по просьбе вышедшего из машины водителя повернул ключ зажигания для прогрева машины, однако вследствие того, что рычаг переключателя скоростей не находился на нейтральном положении, машина резко двинулась назад и задавила водителя. Так например гражданин Белоусов и гражданин Ащрафзянов в качестве пассажиров ехали в автомобиле ГАЗ-53, управляемом водителем Блохиным. В пос. Комсомольский Блохин задним ходом подъехал к дверям кафе "Витязь" и вместе с Ащрафзяновым вышел из кабины для разгрузки товара, а он (Белоусов) остался в кабине автомобиля. Было холодно, и он, Белоусов, находясь рядом с местом водителя, по просьбе Блохина повернул ключ зажигания с целью прогреть машину, не проверив, находится рычаг переключателя скоростей в

© В.Е. Ржанников, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

нейтральном положении или автомобиль стоит на ручном тормозе. При повороте ключа зажигания машина резко дернулась и поехала назад, прижав задней частью к стене Блохина и Ащрафзянова. Согласно ч. 2 ст. 264 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, управляющее автомобилем и допустившее нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств. Осуществляя поворот ключа в замке зажигания автомобиля, Белоусов не предвидел возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был предвидеть эти последствия, т. е. проявил небрежность, что повлекло причинение смерти Блохину и легких телесных повреждений Ащрафзянову. С учетом этого действия Белоусова подлежат переквалификации с ч. 2 ст. 264 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ (предусматривающей ответственность за причинение смерти по неосторожности), санкция которой является менее строгой, чем санкция ч. 2 ст. 264 УК РФ.

При обучении вождению субъектом преступления может быть лицо, обучающее вождению на учебном транспортном средстве с двойным управлением, однако присутствие инструктора не исключает привлечения к уголовной ответственности ученика, если в результате грубого нарушения им правил дорожного движения причинен тяжкий вред здоровью или произошла гибель человека. При транспортировке автомобиля в случае нарушения правил одним или обоими водителями, повлекшем последствия, указанные в ст. 264 УК РФ, ответственность несет лицо, виновное в нарушении. Установление вины в данном случае зависит от выяснения возможностей каждого из водителей соблюдать тот пункт Правил дорожного движения, который был нарушен. Сложности квалификации также возникают в случаях, когда преступление не доведено до конца[7].

Вопрос разграничения составов дорожно-транспортных преступлений и преступлений, связанных с использованием транспортных средств в сфере бытовых и хозяйственных работ, при одновременном нарушении ПДД РФ и правил производств таких работ. Так в Постановлении № 25 в предыдущей редакции рекомендовало квалифицировать по ст. 264 УК РФ только те нарушения правил, которые совершены на дороге. Нынешняя редакция документа исключила данное положение.

Также хотелось бы отметить Позицию Конституционного Суда РФ, высказанную в Постановлении от 25 апреля 2018 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда»[2]. Запрос суда возник в связи с указанием в данном примечании на то, что под состоянием опьянения следует понимать как зафиксированное медицинским исследованием, так и отказ от прохождения освидетельствования [8]. Таким образом, законодатель устанавливает презумпцию опьянения для уголовного судопроизводства, которое в свою очередь противоречит презумпции невиновности. В пункте 10.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [6], поясняется, что «Водитель, скрывшийся с места происшествия, может быть признан совершившим преступление, предусмотренное статьей 264 или 264.1 УК РФ, в состоянии опьянения, если после его задержания к моменту проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения или судебной экспертизы не утрачена возможность установить факт нахождения лица в состоянии опьянения на момент управления транспортным средством. В случае отказа от прохождения медицинского освидетельствования данное лицо признается управляющим транспортным средством в состоянии опьянения», что является нелогичным. Таким образом, законодатель прямо связывает уголовное и административное судопроизводство, где во втором согласно примечанию к статье 1.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее «КоАП РФ») [4] лицо, привлекаемое к административной ответственности, обязано доказывать свою невиновность в административном правонарушении предусмотренного статьей 12.26 КоАП РФ, что прямо противоречит первому, а именно статье 48 Конституции РФ[1] и статье 14 УПК РФ, в которых законодатель поясняет, что обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность и все неустранимые сомнения в виновности лица толкуются в пользу обвиняемого. Также данный пункт Постановления Пленума противоречит принципу вины, предусмотренный ст. 5 УК РФ: Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Обвинение лица в факте принятия веществ, которые могли привести подозреваемого к состоянию опьянения в момент невозможности доказать правоохранительными органами факт состояния опьянения, считается недопустимым.

Все эти примеры показывают, что квалификация нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, регулируемое статьей 264 Уголовного кодекса Российской Федерации, требует тщательного и комплексного анализа обстоятельств дела. Важно учитывать все аспекты для правильной квалификации.

Для решения указанных вопросов необходимо совершенствование правоприменительной практики, повышение квалификации судей и следователей, а также улучшение нормативно-правовой базы для единообразного, но в то же время точного подхода квалификации статьи 264 УК РФ.

В заключение, квалификация статьи 264 УК РФ требует строгого соблюдения квалифицирующих признаков, таких как состояние опьянения, оставление места ДТП (ст. 264.1 УК РФ), установление причинно-следственной связи между нарушением ПДД и последствиями, а также установление субъекта данного состава.

Изучение судебной практики позволяет сделать вывод о нерешенных коллизиях, пути решения которых были рассмотрены и показаны в данной статье. Именно они в свою очередь требуют дальнейшего устранения законодателем.

Таким образом, совершенствование правоприменительной практики в области квалификации статьи 264 УК РФ требует не только повышения качества нормативной базы, но и более четкого разграничения правовых категорий, что обеспечит справедливое и эффективное правосудие.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 26.01.2009. № 4. Ст.445.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2018 N 17-П "По делу о проверке конституционности пункта 2 примечаний к статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда", Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.04.2018, "Собрание законодательства РФ", 07.05.2018, N 19, ст. 2812, 11.05.2018.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: (ред. от 17.11.2025, с изм. от 17.12.2025). // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25. - Ст.2954.
4. "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" : от 30.12.2001 года : N 195-ФЗ : (ред. от 15.12.2025) "Российская газета", N 256, 31.12.2001.
5. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 N 1090 (ред. от 16.07.2025) "О Правилах дорожного движения" (вместе с "Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения") "Собрание актов Президента и Правительства РФ", 22.11.1993, N 47, ст. 4531, "Российские вести", N 227, 23.11.1993.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 25.06.2024) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения" . "Российская газета", N 265, 26.12.2008.
7. Архипцев И.Н., Бурлака С.А. Некоторые аспекты уголовно-правовой охраны транспортной безопасности Российской Федерации // Российский следователь. 2017. N 2. С. 36.
8. Арзаманцев М.В. Состояние опьянения как квалифицирующий признак дорожно-транспортного преступления // уголовное право. №1. 2010. С. 4-8.

РЖАННИКОВ ВЯЧЕСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

И.В. Бенгардт

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНОГО ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Статья описывает правовые аспекты, касающиеся проведения искусственного прерывания беременности в Российской Федерации и связанные с этим законодательные изменения. Она акцентирует внимание на правовых нормах, установленных Конституцией РФ, Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан» в Российской Федерации, а также Уголовным кодексом, и анализирует ситуацию вокруг статей, касающихся незаконного аборта. Особо подчеркивается отсутствие ответственности у врачей, проводящих аборт вне установленных стандартов, что создает правовой пробел и риск для здоровья женщин.

Ключевые слова: аборт, искусственное прерывание беременности, акушер-гинеколог, судебная практика, ответственность.

Важнейшим направлением внутренней политики Российской Федерации является охрана жизни, здоровья, безопасности каждого гражданина страны. Ч. 1 ст. 41 Конституции РФ провозглашает: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь».

В первой редакции Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) от 13.06.1996 года включена статья 123 «Незаконное производство аборта», которая исключила врача как субъекта преступления, а также впоследствии претерпела несколько изменений. [1] В связи с вступлением в силу Федерального закона от 25.11.2013 №317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [2] слова «производство аборта» заменили словами «проведение искусственного прерывания беременности», которое так и не получило легального определения ни в одном из нормативных правовых актов.

Согласно Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве. [3]

В ст. 123 Уголовного кодекса РФ говорится о том, что наказанию подлежит проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля.

Ст. 123 УК РФ в настоящее время находит редкое применение. [4]

Субъект преступного посягательства – лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля, что создает большую вероятность неблагоприятного исхода, причинения вреда abortируемой женщине. По мнению законодателя, аборт, совершаемый непрофессионалом, составляет наиболее опасный вид незаконных абортов. Исходя из этого, не являются субъектами данного посягательства гинекологи и хирурги-гинекологи. Все остальные лица (в том числе имеющие высшее медицинское образование), средний медицинский персонал (даже те из них, которые имеют образование соответствующего профиля, например акушерка) могут выступать в качестве субъекта уголовно наказуемого аборта. [5]

Почему преступление, предусмотренное ст. 123 УК РФ, может совершить лишь лицо, не имеющее высшего медицинского образования соответствующего профиля. Почему врач, производящий прерывание беременности без учета официально установленных стандартов оказания такого вида медицинской помощи, не подлежит привлечению к уголовной ответственности по ст. 123 УК РФ? Можно ли сказать в данном случае, что врачи, нарушающие стандарты оказания медицинской помощи, лучше или хуже лиц, не имеющих медицинского образования при производстве прерывания беременности?

Случаи ненадлежащего оказания медицинской помощи врачами с соответствующей специальностью не являются редкими. Подтверждением тому могут служить отдельные судебные акты.

Так, согласно Постановлению первого апелляционного арбитражного суда от 24.09.2014 г. по делу № А42-10394/2014, ООО «Пастораль» было привлечено к административной ответственности по ч.

© И.В. Бенгардт, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

4 ст. 14.1 КоАП РФ за то, что врач акушер-гинеколог указанного общества осуществил искусственное прерывание беременности без соблюдения процедуры, предусмотренной Порядком оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология». [6]

Исходя из этого, исключение врача акушера-гинеколога из круга лиц, подлежащих уголовной ответственности, является правовым пробелом, что может способствовать развитию криминального бизнеса, а также латентности преступлений в сфере совершения абортс врачами-профессионалами.

Таким образом, это будет звучать как: «Проведение искусственного прерывания беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, вне медицинского учреждения или в медицинском учреждении, но не имеющем лицензии на оказания такого рода услуг, наказывается...».

Декриминализацию незаконного прерывания беременности лицом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля, следует признать необоснованной, а в уголовный закон необходимо внести изменения, обеспечивающие надлежащую охрану репродуктивного здоровья женщин.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/10
2. Федеральный закон от 25.11.2013 № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154744/.
3. Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" от 21.11.2011 N 323-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
4. Бурцева В.В. Искусственное прерывание беременности как способ реализации и нарушения репродуктивного права женщины: уголовно-правовой взгляд на проблему // Юридические исследования. 2024. № 9. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71752
5. Статья 123 УК РФ с Комментариями. Незаконное проведение искусственного прерывания беременности URL: <https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gl-16/st-123-uk-rf>
6. Постановление Первого апелляционного арбитражного суда от 24.09.2014 г. по делу № А43-10394/2014 // <http://kad.arbitr.ru/Card/1503793f-13a7-47ec-a751-2e3180563da6>

БЕНГАРДТ ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

И.В. Бенгардт

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

В статье поднимается важный вопрос о квалификации похищения человека в рамках УК РФ. Описаны ключевые аспекты, такие как трудность в определении границ между похищением и иными преступлениями. Приводятся примеры судебной практики, в том числе решения Пленума Верховного Суда о квалификации действий, связанных с похищением. Основное внимание уделяется анализу мотивов преступников, возможным исключениям из уголовной ответственности и предложениям по улучшению правоприменительной практики.

Ключевые слова: преступления против личности, вопросы квалификации, похищение человека, убийство, добровольное освобождение.

В действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее - УК РФ) 1 глава о преступлениях против личности поставлена на первое место в Особенной части, что свидетельствует о приоритетности создания эффективного механизма по обеспечению реальных прав и свобод человека, в том числе безопасности личности. [1]

Исследуемая тема поднимает ряд непростых вопросов квалификации. Среди них – трудность в определении границ между похищением человека и деяниями, которые по внешним признакам напоминают преступление, но таковыми не являются.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [2] сказано, что похищение человека – незаконный захват перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Захват, перемещение и удержание человека могут быть совершены с применением угроз, насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Похищение человека может быть совершено также и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания.

Наиболее частым мотивом субъективной стороны похищения человека является именно корыстный мотив. Известны случаи похищения человека с мотивом мести, ревности, разрешения имущественного конфликта (например, возврат кредита), однако, все мотивы, кроме корыстного, значения для квалификации не имеют.

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 в случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его убийство, содеянное следует квалифицировать по соответствующей части ст. 105 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 126 УК РФ не требуется. [3] Таким образом, фактически удержание при похищении человека рассматривается Верховным Судом Российской Федерации в качестве своеобразной цели его захвата и перемещения, что представляется спорным и противоречит определению понятия «похищение человека», данному этим же высшим судебным органом.

Цель положения, указанного в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 года № 58, заключается в решении вопроса о соотношении похищения человека с иными составами. В целях устранения дефекта законодательной техники предлагается п. 10 изложить в следующей редакции: «В случае, когда захват, перемещение и (или) удержание лица явились частью объективной стороны более тяжкого сложного насильственного преступления, содеянное не требует дополнительной квалификации по ст. 126 УК РФ». В частности, когда при умышленном причинении смерти похищение потерпевшего выступает способом, облегчающим совершение преступления против жизни, содеянное полностью охватывается составом убийства.

Примечание к ст. 126 УК РФ закрепило возможность, установив, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится

© И.В. Бенгардт, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

иного состава преступления. Таким образом действующее законодательство закрепило возможность освобождение лица совершившего похищение человека от уголовной ответственности в отмеченных случаях.

Важно отметить, что добровольным освобождением потерпевшего не могут расцениваться ситуации, когда, фактическое освобождение потерпевшего состоялось уже после выполнения условий, выдвинутых похитителями, либо в том случае, если их цель была достигнута и оказался утраченным смысл дальнейшего удержания потерпевшего. [4]

Сложившаяся судебная практика дает иное толкование. В частности, как отмечает, Верховный Суд РФ не имеет правового значения, происходило ли освобождение по собственной инициативе виновного, либо по просьбе потерпевшего, его родственников, либо по требованию правоохранительных или других органов, либо по инициативе иных лиц, выступающих в роли посредников. [5]

Однако, рассматривая данное толкование, следует отметить, что оно представляется не совсем корректным. Так, в том случае, если правоохранительным органам стало известно о личности преступником или месте нахождения похищенного, так что, что у виновного лица (лиц) не остается иного выбора, как освободить похищенного, то они могут необоснованно избежать уголовной ответственности за совершенное преступление. Кроме того, данное примечание не должно применяться и в том случае, когда, при совершении преступления, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ, виновному лицу (лицам) стало известно о том, что достижение цели совершаемого им (ими) преступления невозможно в силу объективных причин, в результате чего они освободили потерпевшего.

Поэтому, представляется необходимым дополнить сложившуюся судебную практику разъяснениями высших судебных органов о том, что признак добровольности при освобождении похищенного отсутствует в том случае, когда местонахождение похищенного стало известно полиции, либо преступники были осведомлены о том, что их ищут сотрудники правоохранительных органов. При этом такое освобождение в данных случаях должно выступать как обстоятельство, смягчающее вину преступника.

Продолжая рассматривать далее освобождение виновных лиц от уголовной ответственности, следует отметить, что если, имея реальную возможность незаконно удерживать потерпевшего, виновный его добровольно освобождает, но в его действиях содержится состав иного преступления то он должен нести ответственность за преступления, сопряженные с похищением, а не за похищение.

Следующим важным положением является то, что ни действующее законодательство, ни материалы судебной практики в настоящий момент не содержат каких-либо положений о том, в течении какого периода лицо может быть освобождено от уголовной ответственности согласно примечанию к ст. 126 УК РФ.

Однако, в то же время, на практике возможны ситуации, когда похищенное лицо, может незаконно удерживаться похитителями в течении месяца и более длительного периода времени, что несомненно повлечет за собой ухудшение общего состояния здоровья потерпевшего, серьезные моральные страдания и психологические проблемы.

В целях усиления гарантий уголовно-правовой защиты права человека на свободу и личную неприкосновенность примечание к ст. 126 УК было бы целесообразно дополнить нормой, что лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности в случае удержание последним похищенного в период не более 3-х суток. В остальных же случаях, добровольное освобождение похищенного выступает как обстоятельство, смягчающее наказание похитителя.

Выявленные в ходе исследования проблемы, связанные с данным составом, требуют дальнейшего изучения и принятия мер по их устранению, включая разработку и применение профилактических мер. Установлено, что меры, направленные на пресечение самого похищения человека, не обладают достаточной эффективностью, поскольку в большинстве случаев оно выступает как средство совершения другого преступного деяния. Следует также учитывать, что профилактика похищения человека должна быть тщательно проработана, принимая во внимание существенное увеличение степени криминализации при совокупности преступлений.

Библиографический список

1. Севастьянов А.П. Значение судебского усмотрения при выборе наказания в рамках санкции / Авдеева Е.В. // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. - 2014. - № 1. - С. 100
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Российская газета // № 296 31.12.2019.
3. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58.
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.08.2013 N 55-АПУ13-6 // Вестник Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

5. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 14.08.2013 N 55-АПУ13-6 // Вестник Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

БЕНГАРДТ ИРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

С.А. Кобелева

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ДОГОВОР: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье проводится комплексный анализ института предварительного договора в российском гражданском праве. Автор рассматривает ключевые правовые проблемы, возникающие на практике: определение существенных условий, характер ответственности сторон за нарушение обязательств по его заключению и защиту добросовестного контрагента. Особое внимание уделяется анализу норм Гражданского кодекса РФ и современной судебной практики, в том числе последних решений Верховного Суда. В работе делается вывод о необходимости доктринального уточнения объема возмещаемых убытков и совершенствования правовых механизмов, обеспечивающих баланс интересов участников преддоговорных отношений.

Ключевые слова: *предварительный договор, существенные условия, обязательство, понуждение к заключению договора, ответственность, убытки, позитивный интерес, негативный интерес, добросовестность, гражданский оборот.*

Институт предварительного договора, закрепленный в статье 429 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), служит важным правовым инструментом для стабилизации гражданского оборота, позволяя сторонам зафиксировать достигнутые договоренности и создать правовую связь на этапе подготовки к совершению основной сделки

Несмотря на кажущуюся простоту конструкции, ее практическое применение порождает ряд фундаментальных теоретических и практических проблем, требующих детального осмысления.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим заключение и исполнение предварительного договора, является Гражданский кодекс Российской Федерации. Помимо базовой статьи 429 ГК РФ, к отношениям сторон применяются общие положения об обязательствах, в том числе нормы об ответственности (глава 25 ГК РФ), о задатке (статья 381 ГК РФ) и о последствиях недействительности сделок

Правовая природа и проблемы определения существенных условий предварительного договора. В соответствии с легальным определением, по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных предварительным договором

Ключевой проблемой, от которой зависит сама возможность принудительной реализации предварительного договора, является требование о согласованности его условий. Пункт 3 статьи 429 ГК РФ устанавливает, что в предварительном договоре должны содержаться условия, позволяющие установить предмет, а также иные условия основного договора, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Суды последовательно придерживаются позиции, что предварительный договор не может быть признан заключенным, если он не содержит всех существенных условий будущего основного договора. Верховный Суд РФ в одном из дел указал, что условие о предмете считается согласованным, если стороны имеют об этом предмете одинаковое представление и могут его определить. Однако на практике часто возникают споры о достаточности указанных в договоре характеристик. Как отмечает Владимир Старинский, адвокат и управляющий партнер коллегии адвокатов, информация об объекте в предварительном договоре должна быть максимально полной и включать практически все условия, что и в основном договоре

Вопрос о разграничении предварительного и основного договора тесно связан с проблемой существенных условий. Суды отказываются переклассифицировать предварительный договор в основной, если из его текста прямо следует, что стороны обязались лишь заключить договор в будущем, а не передать имущество или исполнить иную обязанность немедленно

Ответственность за нарушение предварительного договора: дискуссия о возмещении позитивного и негативного интереса. Одной из наиболее дискуссионных в доктрине и судебной практике является проблема определения объема ответственности стороны, уклоняющейся от заключения основного договора. Пункт 5 статьи 429 ГК РФ предоставляет добросовестной стороне право требовать понуждения к заключению договора, а при наличии разногласий — определения его условий через суд

Однако если заключение основного договора стало объективно невозможным или нецелесообразным, возникает вопрос о возмещении убытков.

В юридической науке сформировалось два основных подхода к оценке ущерба:

1. Возмещение негативного интереса (*damnum emergens*). Стороне компенсируются только реальные расходы, понесенные в связи с подготовкой к сделке и заключением предварительного договора.

2. Возмещение позитивного интереса (*lucrum cessans*). Сторона вправе претендовать на ту выгоду, которую она получила бы, если бы основной договор был заключен и исполнен надлежащим образом.

Как справедливо отмечает профессор В.Н. Сусликов, анализируя субъектный состав предварительного договора, сложность заключается в разграничении статуса должника и кредитора, поскольку обязательство по заключению договора носит взаимный (синаллагматический) характер

Это усложняет классическую схему взыскания убытков.

Современная судебная практика демонстрирует осторожный подход. В подборке судебных решений на портале «КонсультантПлюс» указывается, что при нарушении предварительного договора иск потерпевшей стороны — это, в первую очередь, иск о понуждении к заключению основного договора

Авторитетные комментаторы, такие как А.Г. Карапетов, тем не менее, аргументируют возможность взыскания позитивного интереса, чтобы поставить потерпевшую сторону в положение, которое бы имело место при исполнении основного договора. Эта позиция находит поддержку в решениях арбитражных судов, что свидетельствует о постепенном смещении судебного подхода в сторону более полной защиты кредитора. Второй исследователь, Е.И. Мелихов, приходит к выводу о том, что предварительный договор носит организационный характер и не порождает имущественных обязательств. Однако он же признает возможность привлечения стороны к ответственности, например, за отказ от заключения основного договора, что создает определенную теоретическую коллизию в его позиции

Выводы и направления совершенствования регулирования. Таким образом, анализ актуальных проблем института предварительного договора позволяет сделать следующие выводы:

1. Требование о согласованности существенных условий основного договора в предварительном является жестким и служит гарантией от принуждения к заключению неопределенной сделки.

2. Доктринальная и судебная дискуссия о размере возмещаемых убытков при нарушении предварительного договора свидетельствует о поиске баланса между принципом компенсации реального ущерба и необходимостью защиты контрактных ожиданий. Судебная практика постепенно эволюционирует в сторону признания возможности взыскания позитивного интереса.

3. Позиция Верховного Суда РФ, защищающая добросовестного контрагента от оспаривания сделки по мотиву заблуждения, направлена на укрепление стабильности и предсказуемости гражданского оборота.

4. Использование обеспечительных платежей (задатка) является эффективным, но требует неукоснительного соблюдения формальных требований закона.

Для дальнейшего совершенствования правового регулирования представляется целесообразным более детальное законодательное или разъяснительное (в виде постановления Пленума ВС РФ) регулирование вопроса о возмещении убытков, а также выработка единообразных критериев оценки достаточности условий, согласованных в предварительном договоре.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
2. Нарушение предварительного договора: подборка документов и комментариев // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/narushenie_predvaritelnogo_dogovora/
3. Статья 429 «Предварительный договор» ГК РФ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/97b643126817ac88d7d189c4e90a598045ca555c/
4. Статья 381 «Последствия прекращения и неисполнения обязательства, обеспеченного задатком» ГК РФ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f9658bf38181daad404c799a289d3df11ae5fd33/
5. Заблуждение о мотивах не разрушает сделку: юристы оценили решение ВС по делу Долиной — Лурье // Право.ру. 2025. URL: <https://pravo.ru/story/261762/>
6. Что написано пером: особенности квалификации предварительного договора // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/review/view/129973/>
7. Сайт Верховного суда опубликовал решение по делу Долиной — и завис // [Sevastopol.su](https://sevastopol.su). 2025. URL: <https://sevastopol.su/news/sayt-verkhovnogo-suda-opublikoval-reshenie-po-delu-doliny-i-zavis>
8. Сусликов В.Н., Чумакова О.Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-storon-za-neispolnenie-obyazatelstv-predusmotrennyh-predvaritelnyim-dogovorom-problemy-teorii-i-praktiki>

КОБЕЛЕВА СОФЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Московский университет Синергия", Россия.

С.А. Кобелева

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА В СОВРЕМЕННЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье проводится всесторонний анализ процедуры заключения предварительного договора как ключевого организационного инструмента гражданского оборота. Автор исследует правовую природу, существенные условия и установленные законом формальные требования к данной конструкции на основе статьи 429 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Особое внимание уделяется проблемам, возникающим на практике: квалификации соглашения как предварительного или основного, определению достаточности согласованных условий, обеспечению исполнения, а также рискам оспаривания договора. Анализ подкрепляется позициями ведущих цивилистов и актуальной судебной практикой, включая новейшие разъяснения Верховного Суда РФ по защите добросовестных контрагентов.

Ключевые слова: предварительный договор, заключение договора, существенные условия, предмет договора, форма договора, статья 429 ГК РФ, добросовестность, обеспечение исполнения, организационный договор.

Институт предварительного договора, регламентированный статьей 429 Гражданского кодекса Российской Федерации, служит правовым каркасом для будущих имущественных отношений, обеспечивая сторонам юридическую связь на этапе подготовки основной сделки. В условиях динамичного гражданского оборота эта конструкция приобретает особую значимость, позволяя фиксировать достигнутые договоренности и минимизировать риски их изменения. Однако процедура заключения предварительного договора сопряжена с рядом юридически сложных и практически значимых аспектов, неверное понимание которых может привести к признанию соглашения незаключенным, ничтожным или его оспариванию, что в конечном итоге дестабилизирует правовые ожидания участников.

В соответствии с легальным определением, по предварительному договору стороны обязуются заключить в будущем основной договор на условиях, предусмотренных предварительным договором (п. 1 ст. 429 ГК РФ). Ключевой доктринальной характеристикой этой конструкции является ее организационный характер. Как отмечает исследователь Е.И. Мелихов, предварительный договор «носит организационный характер и не порождает имущественных, а тем более денежных, обязательств». Его цель — не непосредственное имущественное предоставление, а создание юридических предпосылок для возникновения в будущем основного (имущественного) обязательства.

От организационной природы непосредственно зависит центральное требование к содержанию — согласование условий. Пункт 3 статьи 429 ГК РФ императивно устанавливает, что предварительный договор должен содержать условия, позволяющие установить предмет, а также иные существенные условия основного договора. Несоблюдение этого требования ведет к признанию предварительного договора незаключенным, поскольку отсутствует объективная возможность принудить сторону к заключению неопределенной, несформированной сделки. На практике это означает необходимость включения в текст соглашения всех ключевых параметров будущей сделки, делающих ее идентифицируемой для сторон и суда.

Как подчеркивает адвокат Владимир Старинский, информация об объекте в предварительном договоре должна быть максимально полной и включать практически все условия, что и в основном договоре. Аналогичной позиции придерживается адвокат Диана Агасиева, указывая, что «условие о предмете договора считается согласованным, если обе стороны имеют об этом предмете одинаковое представление и могут его определить». Верховный Суд РФ в своих определениях (например, в деле № 18-КГ16-24) последовательно поддерживает этот подход, отменяя решения нижестоящих судов, которые без достаточных оснований квалифицировали детально прописанные соглашения как незаключенные. Таким образом, достаточность условий — это не технический, а принципиальный вопрос, от которого зависит сама юридическая сила предварительного договора.

Законодатель предъявляет строгие требования к форме предварительного договора, прямо связывая их с формой будущего основного договора. Согласно пункту 2 статьи 429 ГК РФ, предварительный договор заключается в форме, установленной для основного договора, а если форма основного договора не установлена, то в письменной форме. Несоблюдение правил о форме предварительного договора влечет его ничтожность.

Это означает, в частности, что если основной договор подлежит нотариальному удостоверению (например, договор аренды или соглашение об ипотеке) или государственной регистрации, то аналогичные требования распространяются и на предварительное соглашение о его заключении. Игнорирование данного правила является грубой ошибкой, лишаящей договор юридической силы с момента его совершения (ничтожность). Такой договор не порождает для сторон никаких прав и обязанностей, за исключением тех, что связаны с его недействительностью (п. 1 ст. 167 ГК РФ). На практике это делает бессмысленными все последующие действия сторон, направленные на исполнение предварительных договоренностей.

Одной из наиболее острых практических проблем является вопрос о возможности и правовой природе денежных платежей по предварительному договору. Поскольку он не порождает имущественного обязательства по передаче вещи или оплате, прямое внесение цены будущего основного договора противоречит его сути. Однако стороны часто стремятся обеспечить будущую сделку с помощью задатка или аванса.

Как разъясняется в аналитических материалах, если покупатель нарушил условие предварительного договора о выплате аванса, продавец не сможет взыскать его в судебном порядке. Это объясняется sinalлагматическим (встречным) характером обязательства: встречной обязанностью продавца является передача товара, которая по предварительному договору не происходит. Следовательно, требовать предоплаты, не предоставив встречного исполнения, нельзя (п. 3 ст. 328 ГК РФ). Более надежным обеспечительным средством является задаток, последствия неисполнения обязательства по которому четко определены статьей 381 ГК РФ. Однако критически важно, чтобы в тексте договора платеж был прямо обозначен как задаток, в противном случае суды, как правило, квалифицируют его как аванс, подлежащий простому возврату.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы относительно особенностей заключения предварительного договора:

1. Требование детализации является императивным. Успешное заключение предварительного договора напрямую зависит от полноты и четкости согласования в нем всех существенных условий будущего основного договора, прежде всего его предмета. Формальный подход к этому вопросу ведет к риску признания соглашения незаключенным.

2. Соблюдение формы — условие действительности. Требование о форме предварительного договора, производное от формы основного, носит императивный характер. Его нарушение влечет ничтожность сделки, что делает этот аспект критически важным на стадии оформления.

3. Обеспечительные меры требуют точного оформления. Использование задатка возможно и эффективно, однако требует недвусмысленного обозначения в договоре. Внесение аванса (предоплаты) в рамках предварительного договора сопряжено с существенными правовыми рисками и ограничениями по взысканию.

4. Защита добросовестности становится приоритетом. Современная судебная практика, возглавляемая Верховным Судом РФ, эволюционирует в сторону повышенной защиты добросовестного контрагента. Это выражается в ограничительном толковании оснований для оспаривания сделок (таких как заблуждение в мотивах) и учете поведения стороны, полагавшейся на законность заключаемого соглашения.

Таким образом, заключение предварительного договора представляет собой юридически сложную процедуру, где баланс между гибкостью преддоговорных отношений и правовой определенностью достигается через строгое соблюдение законодательных требований к содержанию, форме и принципам добросовестности.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025).
2. Нарушение предварительного договора: подборка документов и комментариев // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/law/podborki/narushenie_predvaritelnogo_dogovora/
3. Статья 429 «Предварительный договор» ГК РФ // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/97b643126817ac88d7d189c4e90a598045ca555c/

4. Статья 381 «Последствия прекращения и неисполнения обязательства, обеспеченного задатком» ГК РФ // КонсультантПлюс. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f9658bf38181daad404c799a289d3df11ae5fd33/

5. Заблуждение о мотивах не разрушает сделку: юристы оценили решение ВС по делу Долиной — Лурье // Право.ру. 2025. URL: <https://pravo.ru/story/261762/>

6. Что написано пером: особенности квалификации предварительного договора // Право.ру. URL: <https://pravo.ru/review/view/129973/>

7. Сусликов В.Н., Чумакова О.Н. Ответственность сторон за неисполнение обязательств, предусмотренных предварительным договором: проблемы теории и практики // Научная электронная библиотека КиберЛенинка. 2018. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvetstvennost-storon-za-neispolnenie-obyazatelstv-predusmotrennyh-predvaritelny-m-dogovorom-problemy-teorii-i-praktiki>

КОБЕЛЕВА СОФЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования "Московский университет Синергия", Россия.

Э.А. Махиянова

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 322.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 322.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, связанного с фиктивной регистрацией граждан по месту жительства или месту пребывания. Анализируются отдельные элементы состава преступления, вопросы определения субъекта уголовной ответственности, а также проблемы отграничения одного преступления от совокупности преступлений при множественности эпизодов фиктивной регистрации. Особое внимание уделяется судебной практике и разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выявляются противоречия в их применении судами нижестоящих инстанций.

Ключевые слова: фиктивная регистрация, регистрационный учет, место жительства, место пребывания, жилое помещение.

Фиктивная регистрация граждан по месту пребывания или по месту жительства представляет собой серьезную угрозу установленному порядку регистрационного (миграционного) контроля. В условиях роста теневых схем нелегальной регистрации, повышения миграционной преступности необходимость уголовно-правового противодействия указанным деяниям приобретает особую важность. Именно поэтому в 2013 году в Уголовный кодекс Российской Федерации [далее - УК РФ] была введена ст. 322.2, устанавливающая ответственность за фиктивную регистрацию граждан Российской Федерации, иностранных граждан или лиц без гражданства по месту пребывания или места жительства. [1] Однако практика ее применения вызвало ряд вопросов ее квалификации и необходимость осмысления уголовно-правовой конструкции.

В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ раскрываются основные вопросы применения рассматриваемой статьи. [2] Так, в качестве субъекта преступления по ст. 322.2 УК РФ могут выступать сотрудник органа регистрационного (миграционного) учета, осуществивший регистрацию (постановку на учет) гражданина Российской Федерации, иностранного гражданина или лица без гражданства. Кроме того, в качестве субъекта выступают собственник или наниматель соответствующего жилого помещения, уполномоченное ими лицо, либо иные лица, действующие от их имени. При решении вопроса о субъекте преступления правоприменители сталкиваются с необходимостью оценки роли конкретного лица в механизме фиктивной регистрации.

Анализ судебной практики показывает, что зачастую к уголовной ответственности привлекаются собственники жилых помещений и регистраторы. В 2025 году Ревдинский городской суд Свердловской области рассмотрел уголовное дело по ст. 322.2 УК РФ в отношении собственника жилого дома (ФИО6), признавшего фиктивную регистрацию двух иностранных граждан и одного гражданина РФ по адресу, фактически непригодному для проживания. Подсудимый, действуя умышленно и из личных побуждений, подавал документы в подразделения миграционного учета, достоверно зная, что зарегистрированные лица проживать по указанному адресу не будут. [3] Тем не менее на практике нередко устанавливается, что сами лица, обратившиеся за фиктивной регистрацией, не желают проживать в жилом помещении по месту их регистрации. Данные действия могут быть связаны с легализацией их пребывания на территории страны для осуществления трудовой деятельности, а также утратой контроля соответствующими органами за соблюдением ими правил миграционного учета и передвижением на территории Российской Федерации. Если же фиктивная регистрация осуществляется в отношении граждан РФ, мотивами может выступать получение различных социальных услуг, сокрытие реального места проживания. В связи с чем возникает необходимость привлечения к уголовной ответственности регистрируемых лиц при наличии у них прямого умысла. Если изначально намерение на проживание у таких граждан отсутствовало, то такие лица должны являться субъектом данного преступления. Сами регистрируемые к уголовной ответственности не должны привлекаться, но это должно делаться лишь при условии, что в момент регистрации они желали проживать по месту регистрации — месту пребывания, но по каким-либо

© Э.А. Махиянова, 2026.

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

причинам в последующем фактически в нем не пребывали, например, если им после регистрации не было предоставлено жилое помещение. [4]

При квалификации преступлений, предусмотренных ст. 322.2 УК РФ, в судебной практике особое значение придается установлению корыстной либо иной заинтересованности лица, что используется судами как подтверждение умышленного характера фиктивной регистрации. Следует отметить, что в Постановлении Пленума ВС РФ фиктивная регистрация близкого родственника по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации выступает в качестве примера мало-значительности деяния. [2] Преступление также может совершаться множественностью лиц. Как отмечает, П.А. Акименко: «Такие квалифицирующие признаки, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору и организованной группой, являются актуальными применительно к вышеуказанным статьям УК РФ по причине того, что подобные преступления могут совершаться спланированно, совместно несколькими лицами, с четким распределением ролей для достижения намеченных преступных целей.» [5] Указанные обстоятельства обуславливают необходимость законодательного закрепления квалифицирующих признаков в ст. 322.2 УК РФ в целях обеспечения единообразия судебной квалификации, а также усиления наказания лиц при наличии в деянии указанных выше квалифицирующих признаков.

В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ сказано: «Если единым умыслом виновного лица охватывалось осуществление фиктивной регистрации (постановки на учет) по одному и тому же месту пребывания или месту жительства одновременно двух или более граждан Российской Федерации, иностранных граждан или лиц без гражданства, содеянное им образует одно преступление, предусмотренное соответственно статьей 322.2 или статьей 322.3 УК РФ». [2] Однако на практике встречаются случаи, когда при наличии нескольких эпизодов преступной деятельности суды квалифицируют деяние как совершение несколько преступлений по ст. 322.2 УК РФ. Так, в приговоре Курчатовского районного суда г. Челябинска от 16.04.2025 собственник жилого помещения признана виновной в совершении восьми преступлений, предусмотренных ст. 322.2 УК РФ (в ред. ФЗ от 21.12.2013 г.), одного преступления, предусмотренного ст. 322.2 УК РФ (в ред. ФЗ от 09.11.2024 г.). Так, знакомые обращались к ФИО1К. с просьбой о регистрации, она лично подавала документы в МФЦ и указывала в заявлениях заведомо ложные сведения о предстоящем проживании этих лиц. Всего было установлено 9 эпизодов фиктивной регистрации в отношении разных лиц. [6] Анализ правоприменительной практики выявляет существенное расхождение между разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ и подходами нижестоящих судов при квалификации деяний по ст. 322.2 УК РФ. Приведенный пример позволяет увидеть важность применения этих разъяснений на практике для правильной квалификации деяний.

Таким образом, с точки зрения вопросов квалификации преступления анализ ст. 322.2 УК РФ показывает необходимость уточнения признаков субъекта, в том числе возможность привлечения к ответственности лиц, в отношении которых осуществляется фиктивная регистрация, введения квалифицирующих признаков, а также учета разъяснений Пленума Верховного суда РФ. Это позволит обеспечить более точное и единообразное применение нормы, повысит эффективность борьбы с фиктивной регистрацией.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 21 дек. 2013 N 376-ФЗ (ред. от 31.12.2014) "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2013. – № 51, ст. 6696.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 N 18 "О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией" // Российская газета. – 2020. – № 156.
3. Приговор № 1-110/2025 Ревдинский городской суд Свердловской области от 16 апреля 2025 г. // Судебные и нормативные акты РФ.
4. Михаль О.А., Черемнова Н.А. Юридический анализ состава преступления, предусмотренного статьей 322.2 Уголовного кодекса Российской Федерации // Современное право. – 2015. – № 7. – С. 115.
5. Акименко П.А. Анализ уголовно-правовых норм, закреплённых в статьях 322. 2 и 322. 3 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник ВИ МВД России. – 2016. – №4. – С. 101.
6. Приговор № 1-353/2025 Курчатовский районный суд г. Челябинска от 15 апреля 2025 г. по делу № 1-353/2025 // Судебные и нормативные акты РФ.

МАХИЯНОВА ЭЛЬВИНА АНФИСОВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

Э.А. Махиянова

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 317 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы квалификации посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких лиц в соответствии со ст. 317 УК РФ. Анализируются особенности установления умысла виновного, определения статуса потерпевшего и подтверждения его полномочий, а также вопросы, связанные с установлением цели воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Особое внимание уделяется судебной практике и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: посягательство на жизнь, сотрудник правоохранительного органа, потерпевший, общественный порядок, общественная безопасность, квалификация.

Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, предусмотренное ст. 317 Уголовного кодекса Российской Федерации [далее - УК РФ] представляет собой одно из наиболее опасных преступлений против порядка управления. Его общественная опасность обусловлена направленностью не только против личности потерпевшего, но и против нормального функционирования правоохранительных органов и обеспечения государственной власти.

Практика применения ст. 317 УК РФ свидетельствует о наличии некоторых вопросов при ее квалификации, связанных с установлением признаков объективной и субъективной сторон состава преступления, определением направленности умысла. Важно также отметить, что положения Пленума Верховного Суда Российской Федерации содержат разъяснения по основным вопросам судебной практики по рассматриваемой норме. [1]

Данное преступление совершается в отношении сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких в связи с осуществлением деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Несмотря на наличие разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, в правоохранительной практике сохраняются вопросы, связанные с установлением признака потерпевшего, в частности с определением его статуса как сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, равно их близких лиц, а также с подтверждением его полномочий, имеющих значение для квалификаций преступления по ст. 317 УК РФ. В судебном заседании Оренбургского областного суда подсудимый В. А. обвинялся в покушении на убийство оперуполномоченного отдела экономической безопасности Н. А. Установлено, что 25 января 2012 г. подсудимый В.А, находясь в состоянии алкогольного опьянения и вооружённый травматическим пистолетом, прибыл в здание, где проходило оперативно — розыскное мероприятие, направленное на проверку законности получения В.А. прибыли от сдачи в аренду нежилых помещений и декларирования этих доходов в налоговых органах. Далее произвёл два выстрела в сторону Н.А. с близкого расстояния, после чего нанёс ему множественные удары руками и ногами. При этом подсудимый осознавал, что стреляет по сотруднику правоохранительного органа, однако своего умысла на убийство он не смог довести до конца по независящим от него обстоятельствам (пули не попали в жизненно важные органы, закончились патроны). Сторона обвинения квалифицировала действия В.А. по ст. 317 УК РФ – посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа в целях воспрепятствования законной деятельности указанного лица по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Тогда как суд переквалифицировал деяние со ст. 317 УК РФ на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 30 УК РФ, основываясь на том, что оперуполномоченный Н.А. не выполнял деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, в связи с чем не может являться потерпевшим по ст. 317 УК РФ. [2] При этом роль потерпевшего должна быть напрямую связана с фактическим выполнением функций по поддержанию законности и

© Э.А. Махиянова, 2026.

Научный руководитель: Дробот Сергей Александрович – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

безопасности, установленных законодательством и ведомственными актами. Работники других подразделений и служб МВД РФ (паспортно-визовых, кадровых, штатных и т.п.) могут быть потерпевшими только в том случае, если они в предусмотренном порядке привлечены руководством к охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В иных ситуациях, когда посягательство на их жизнь осуществляется в связи с выполнением ими служебных обязанностей, содеянное должно быть квалифицировано по п. б ч. 2 ст. 105 УК РФ. [3]

Таким образом, для правильной квалификации деяний по рассматриваемой статье необходимо устанавливать то, что это осуществлялось в отношении сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, а равно их близких лиц при исполнении ими полномочий или специальных обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Лицо не может привлекаться к ответственности по ст. 317 УК РФ только на основании того, что оно совершено в отношении сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких лиц. Помимо это необходимо установить, что действия лица были направлены на воспрепятствование законной деятельности указанных лиц либо мотивированы мстостью за ее осуществление, при этом обязательно наличие прямого умысла на лишение жизни. Так, С. ударами ножа причинил сотруднику ОВД, пресекающему его хулиганские действия, колото-резанные ранения и пытался нанести еще несколько ударов. Действия виновного лица первоначально органами предварительного следствия, были квалифицированы по ст. 317 УК РФ. Изменяя данную юридическую оценку, суд указал, что по смыслу закона лицо может быть признано виновным в посягательстве (в виде покушения) на жизнь сотрудника правоохранительного органа при наличии прямого умысла, т.е. когда действия виновного свидетельствуют о том, что он предвидел наступление смерти и желал этого. Как следует из материалов дела виновный конкретно кому-либо убийством не угрожал, а размахивал ножом, пытаясь закрыть дверь и не пустить сотрудников ОВД в свою квартиру, в результате чего одному из них был причинен легкий вред здоровью. На основании этих данных суд обоснованно пришел к выводу об отсутствии у виновного прямого умысла на посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и правильно квалифицировал его действия по ч. 2 ст. 318 УК РФ как применение насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти. [4]

При квалификации по ст. 307 УК РФ важно учитывать не только то, что данная деятельность сотрудника должна быть законной, но и наличие у посягавшего лица осведомленности о том, что он является сотрудником правоохранительного органа, военнослужащим или близким им лицом и соответственно она направлена на охрану общественного порядка и общественной безопасности. Если посягательство на жизнь совершено в ответ на явно незаконные действия сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего, т. е. не было реакцией на несущественные, формальные нарушения, содеянное в зависимости от фактических обстоятельств может квалифицироваться по ст. 105 УК РФ при отсутствии признаков необходимой обороны или по ст. 108 УК РФ, если превышены ее пределы. Состояние необходимой обороны вообще исключает уголовную ответственность (ст. 37 УК РФ). [5]

Стоит также отметить, что если преступление по ст. 317 УК РФ совершается в отношении 2 или более лиц, то оно будет квалифицироваться как одно преступление при учете следующих условий. По п. 24 Пленума Верховного Суда РФ по статье 317, 318 или 319 УК РФ как одно преступление следует квалифицировать совершение соответствующих противоправных действий в отношении одного, двух или более потерпевших, указанных в данных статьях, если такие действия осуществлены одновременно либо с незначительным разрывом во времени, но охватывались единым умыслом лица, и при этом ни за одно из данных действий оно ранее не было осуждено. [1] Это позволяет избежать раздробленной квалификации и учитывает общую направленность умысла.

Таким образом, анализ правоприменительной практики и научной доктрины показывает, что привлечение лица к ответственности по данной статье возможно только при наличии намеренного посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких, направленного на воспрепятствование законной деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности или мотивированного мстостью за её осуществление, с обязательным наличием прямого умысла на лишение жизни.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 N 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2023 – № 14.
2. Приговор № 2 — 55/2012. Оренбургский областной суд Оренбургская область от 01.10.2012 г. [Электронный ресурс]. — URL: <https://actofact.ru/case-56OS0000-1-55-2012-2012-07-17-2-0/>
3. Щетинина Н. В. Особенности квалификации посягательства на жизнь сотрудника полиции // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – №8. – С. 160.

4. Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / сост. С. В. Бородин, И. Н. Иванова; под общ. ред. В. М. Лебедева. — М., 2010. — С. 1102-1103.

5. Кунашев, А. А. Насильственные посягательства в отношении сотрудников правоохранительных органов и других представителей власти (ст. 317, 318 УК РФ): вопросы квалификации и позиция Пленума Верховного Суда РФ / А. А. Кунашев // Уголовное право. – 2023. – № 12(160). – С. 46.

МАХИЯНОВА ЭЛЬВИНА АНФИСОВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

А.А. Иванова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

В работе исследуются спорные вопросы квалификации незаконной рубки лесных насаждений согласно статье 260 Уголовного кодекса Российской Федерации. Проанализирована дефиниция «лесные насаждения», выявлены проблемы, возникающие при определении объёмов ущерба и формах соучастия. Особое внимание уделено случаям совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и ситуациям двойного вменения признаков преступления.

Ключевые слова: *незаконная рубка лесных насаждений, Уголовный кодекс Российской Федерации, предварительный сговор, лесное законодательство, уголовная ответственность.*

Российская Федерация обладает обширными лесными территориями, представляющими значительную экономическую ценность и имеющими важное экологическое значение. Одной из центральных статей уголовного закона, регулирующих ответственность за нарушение режима пользования лесом, является статья 260 УК РФ. Её применение связано с рядом факторов, затрудняющих однозначную квалификацию соответствующих деяний.

Диспозиция ст. 260 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за незаконную рубку, а равно повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений или не отнесённых к лесным насаждениям деревьев, кустарников, лиан.[1]

При рассмотрении вопросов квалификации ст. 260 УК РФ первое на что следует обратить внимание - это отсутствие соответствующей нормативно-правовой терминологии. В соответствии со ст. 5 Лесного кодекса Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «лес» понимается как экологическая система или как природный ресурс. Исходя из Постановления Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причинённого лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье», возникает следующее понимание леса: 1) как экологической системы; и 2) как природного ресурса.[2]

Обращая внимание на дифференциацию основного, квалифицированного и особо квалифицированного составов, предусматривающих уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений, нельзя не обратить внимание на их конструктивные признаки.[3] Так, может возникнуть вопрос о квалификации совершенного деяния, сочетающего в себе обособленные признаки, предусмотренные отдельными частями ст. 260 УК РФ (например, совершение незаконной рубки лесных насаждений лицом с использованием своего служебного положения в значительном размере). Часть 1 и часть 2 указанной статьи устанавливают уголовную ответственность за самостоятельные — не пересекающиеся с собой деяния.

Деяние необходимо квалифицировать по той части ст. 260 УК РФ, устанавливающей более строгое наказание, но при этом указать все квалифицирующие признаки. Приведём следующий пример: если незаконная рубка лесных насаждений совершена лицом с использованием своего служебного положения в значительном размере, то она квалифицируется по пункту «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ. Рассмотрим данный пример на практике: Приговор № 1-98/2018 от 9 сентября 2018 г. по п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ Нижнетавдинского районного суда Тюменской области: участковый лесничий ФИОЗ, действуя умышленно и из корыстных побуждений, используя свое служебное положение, дала указание свидетелю №2 незаконно спилить два березовых дерева в эксплуатационных лесах Нижнетавдинского лесничества. Несмотря на обязанность контролировать соблюдение лесного законодательства, ФИОЗ не имела разрешительных документов на вырубку деревьев. В результате её действий, совершенных днем, Тюменской области

© А.А. Иванова, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

нанесен значительный материальный ущерб в сумме 9 984 рублей, рассчитанный по утвержденным прайс-листом таксам. Нарушение закона привело к уничтожению важного природного ресурса, имеющего экологическое, экономическое и социальное значение. [4]

Важным видится вопрос квалификации незаконной рубки лесных насаждений, которая совершена группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. В частности, следует выяснить, была ли осуществлена рубка насаждений соучастниками (соисполнителями) совместно — т.е., определить, выполнил ли каждый из них объективную сторону преступления (полностью или частично). [5]

Рассмотрим данный вопрос на практике. Так, 26 мая 2025 г. Новосибирским областным судом был вынесен Приговор № 22-1341/2025: «ФИО1 и ФИО2 в период с определённого времени приехали в лесной массив квартала 12 выделов 11 и 18 Нечунаевского лесохозяйственного участка Сузунского лесничества. Они заранее договорились о незаконной рубке, распределив роли. С помощью бензопилы «Хускварна-445» они спилили 5 деревьев породы берёза (объём — 4,8 м³, стоимость — 384,72 рубля). Ущерб государству составил 200 851 рубль, что суд признал особо крупным размером. Действия подсудимых квалифицированы по ч. 3 ст. 260 УК РФ как незаконная рубка, совершённая группой лиц по предварительному сговору в особо крупном размере». [6]

Проведённое исследование показало, что существующий механизм квалификации незаконной рубки лесных насаждений нуждается в дальнейшей доработке. Следовательно, необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-правовой регламентации незаконной рубки, включая разработку единых стандартов оценивания ущерба, введение детализированных квалификационных признаков и усиление профилактики правонарушений в этой сфере. Эти меры позволят повысить эффективность борьбы с незаконной вырубкой лесов и обеспечить справедливое судебное разбирательство.

Библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954. Ст. 260.
2. Постановления Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье» // Консультант плюс: Законодательство (дата обращения: 10.12.2025).
3. Васильева Яна Юрьевна Незаконная рубка лесных насаждений: вопросы квалификации и наказания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nezakonnaya-rubka-lesnyh-nasazhdeniy-voprosy-kvalifikatsii-i-nakazaniya> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Приговор по делу № 1-98/2018 от 9 сентября 2018 г. по п. «в» ч. 2 ст. 260 УК РФ Нижнетавдинского районного суда Тюменской области – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b40qRv7XM6Lz/> (дата обращения: 10.12.2025).
5. Валебная А.А., Астраханцев Д.В. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ // Дневник науки. - 2020. - №11. - С. 69-77.
6. Приговор по делу № 22-1341 /2025 от 25 мая 2025 г. по ч.3 ст. 260 УК РФ Новосибирского районного суда – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RdFghKQLPmLc/> (дата обращения: 10.12.2025).

ИВАНОВА АРИНА АНДРЕЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

А.А. Иванова

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ (СТ. 285 УК РФ)

В статье рассматриваются теоретические и практические вопросы квалификации злоупотребления должностными полномочиями по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации. Освещены спорные моменты толкования понятия «использование должностных полномочий», выделены спорные вопросы квалификации злоупотребления путём бездействия, раскрыты нюансы понимания «существенного нарушения прав». Отдельное внимание уделено трудностям разграничения злоупотребления и превышения должностных полномочий.

Ключевые слова: должностные полномочия, злоупотребление должностными полномочиями, Уголовный кодекс Российской Федерации, коррупционное преступление, спорные вопросы квалификации.

Злоупотребление должностными полномочиями является одним из наиболее распространённых видов коррупционных преступлений в современной правовой практике России. Однако применение норм уголовного права, регулирующих ответственность за данное деяние, вызывает ряд теоретических и практических спорных вопросов, связанных с квалификацией преступления по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - ст. 285 УК РФ).[1] В работе рассмотрены основные дискуссионные вопросы, возникающие при применении указанной нормы, а также анализ судебной практики, позволяющей выявить подходы судов к решению указанных спорных вопросов.

При рассмотрении спорных вопросов квалификации ст. 285 УК РФ первое на что следует обратить внимание — это толкование понятия «использование должностных полномочий». Злоупотребление должностными полномочиями предполагает как действие, так и бездействие. При этом само понятие «использование» означает применение активных действий должностного лица, [2] что, в свою очередь, ставит под вопрос злоупотребление путем бездействия. Злоупотребление должностными полномочиями путём бездействия вызывает широкие дискуссии в научной литературе. Верховный суд РФ дал разъяснения по этому поводу. Согласно разъяснений ВС РФ, для вменения бездействия как разновидности злоупотребления полномочиями необходимо определить, какие обязательные предписания необходимо было выполнить должностному лицу, входило ли совершение невыполненных действий в его компетенцию, и возлагалась ли на него обязанность их совершения, а также выяснить, имела ли у соответствующего лица фактическая возможность совершения ожидаемых от него действий. Лишь при совокупности всех этих условий может быть поставлен вопрос о должностном бездействии лица.[3] К примеру в приговоре Московского гарнизонного военного суда от 19 ноября 2021 года бывший военнослужащий Бучнев И. И. был осуждён по ч. 1 ст. 285 УК РФ за то, что не проконтролировал исполнение государственного контракта на спецподготовку военнослужащих. Это привело к оплате из бюджета без фактического прохождения обучения.[4]

Предлагаем, скорректировать формулировку статьи 285 УК РФ, заменив словосочетание «использование должностным лицом своих служебных полномочий» на «использование и неиспользование должностным лицом своих служебных полномочий». Такая редакция позволит всесторонне охватить формы противоправного поведения, обеспечить единообразие правоприменения, а также четко отобразить субъективную сторону.

Следующим вопросом квалификации преступлений предусмотренных ст. 285 УК РФ является отграничение от смежных преступлений. Постановление раскрывает смежные преступления, но все же на практике бывает не полностью понятен вопрос их разграничения.

Анализ судебной практики показывает важность разграничения понятия злоупотребления и превышения должностными полномочиями. Превышение должностными полномочиями состоит в том, что при совершении преступления виновное должностное лицо явно выходит за рамки/пределы своей компетенции (наделённой полномочиями), а не использует таковую вопреки интересам службы. При этом

исследование практики по таким делам позволяет сделать вывод о реальном существовании совокупности преступлений в виде злоупотребления и превышения должностными полномочиями.[6] В одном из дел глава муниципального образования заключил муниципальный контракт без проведения обязательных торгов. Наримановский районный суд Астраханской области квалифицировал это как превышение должностных полномочий, так как действия явно выходили за пределы полномочий должностного лица. Однако Верховный суд Республики Алтай в аналогичном случае признал это злоупотреблением, указав, что действия были совершены в рамках полномочий, но вопреки интересам службы.[7]

В результате проведённого исследования выявлены значительные теоретические и практические вопросы, связанные с квалификацией злоупотребления должностными полномочиями по статье 285 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Представляется необходимым принятие дополнительных разъяснений Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, направленных на устранение имеющихся коллизий и создание единого подхода к квалификации преступлений, связанных с злоупотреблением должностными полномочиями. Следует рассмотреть возможности внесения поправок в действующую редакцию статьи 285 УК РФ, дополнив её указанием на обе формы противоправного поведения (активное использование и пассивное бездействие).

Разработанные поправки и разъяснения помогут снизить число ошибок в правоприменительной практике, повысит качество предварительного расследования и обеспечит единый подход к определению границ дозволенного и запрещённого поведения должностных лиц, тем самым укрепляя законность и правопорядок в обществе.

Библиографический список

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954. Ст. 285.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 4. Особенная часть. Разделы X—XII / ответственный редактор В. М. Лебедев. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — 276 с. — (Профессиональные комментарии). — ISBN 978-5-534-04689-2. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/563102> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2000. — № 8.
4. Приговор по ст. 285 УК РФ: судебная практика // Zakon.ru // URL: https://zakon.ru/blog/2024/10/13/opravdatelnyj_prigovor_po_st_285_uk_rf_sudebnaya_praktika (дата обращения: 01.12.2025).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Собрание законодательства РФ. Вып. № 12. 2009.
6. Коняхин Владимир Павлович, Романченко Никита Валерьевич Злоупотребление должностными полномочиями: проблемные вопросы // Вестник экономики и права. 2020. №44. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zloupotreblenie-dolzhdnostnymi-polnomochiyami-problemnyye-voprosy> (дата обращения: 01.12.2025).
7. Определение Верховного суда Республики Алтай от 20 декабря 2018 года по делу № 22–803/2018 [Электронный ресурс] // «Право.ру». – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/109018635/> (дата обращения: 01.12.2025).

ИВАНОВА АРИНА АНДРЕЕВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

Ф.А. Абдулазизов

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу правового статуса иностранных граждан в Российской Федерации, рассматриваемого как сложная система норм, регулирующих их права, обязанности и ответственность. Исследование демонстрирует, что правовое положение иностранцев определяется принципом национального режима с существенными ограничениями в политических правах и доступе к определённым видам деятельности. Особое внимание уделяется механизмам миграционного контроля, процедурам получения статуса беженца и вынужденного переселенца, а также юридическим гарантиям защиты прав иностранных граждан. Анализируется эволюция законодательства в контексте международных обязательств России и внутренних социально-политических трансформаций. Статья предназначена для специалистов в области миграционного права, государственных служащих, занимающихся вопросами миграции, и исследователей, изучающих правовые системы.

Ключевые слова: иностранные граждане, правовой статус, миграционное право, национальный режим, виза, вид на жительство, беженцы, вынужденные переселенцы, миграционный контроль, международные обязательства.

Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему норм, регулирующих их пребывание, деятельность и взаимодействие с государственными институтами. Конституция Российской Федерации [1] устанавливает принцип равенства прав и свобод человека независимо от гражданства, однако одновременно предусматривает возможность ограничения этих прав в отношении иностранцев на основании федерального закона. Такая двойственность отражает фундаментальное противоречие между универсальными правами человека и суверенным правом государства регулировать доступ иностранцев к своей территории и ресурсам. [8]

Статья 62 Конституции РФ [3] закрепляет, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением случаев, установленных федеральным законом. Это положение формирует так называемый национальный режим — принцип, согласно которому иностранцы получают защиту и гарантии, аналогичные тем, что предоставляются гражданам, при условии соблюдения установленных ограничений. Однако справедливо и противоположное замечание: национальный режим в российском законодательстве содержит значительное число исключений, которые существенно сужают объём прав иностранных граждан в политической, экономической и социальной сферах.

Иностранные граждане не могут участвовать в выборах и референдумах, занимать государственные должности, служить в вооружённых силах, работать в органах безопасности и правоохранительных структурах. Более того, федеральное законодательство предусматривает ограничения на владение земельными участками, доступ к определённым видам профессиональной деятельности, участие в управлении коммерческими организациями. [7] Такие ограничения, хотя и обоснованы соображениями национальной безопасности и защиты интересов граждан, демонстрируют, что принцип национального режима в российской практике функционирует как принцип с многочисленными оговорками.

Правовой статус иностранного гражданина в Российской Федерации дифференцируется в зависимости от целей и длительности пребывания, что порождает несколько категорий иностранцев с различным объёмом прав и обязанностей. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2] устанавливает основные категории: иностранные граждане, временно пребывающие на территории России; иностранные граждане, временно проживающие в России; иностранные граждане, постоянно проживающие в России.

© Ф.А. Абдулазизов, 2025.

Научный руководитель: *Никонова Юлия Шарифуловна* – кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет, Россия.

Временное пребывание предполагает нахождение иностранца на территории Российской Федерации без регистрации по месту жительства, обычно в течение периода, не превышающего 90 дней в течение 180 дней.

Такой статус требует наличия визы (за исключением граждан стран, с которыми Россия имеет визовые соглашения) и предполагает минимальный объём прав — иностранец может осуществлять туристическую деятельность, участвовать в деловых встречах, посещать культурные мероприятия, однако не может заниматься трудовой деятельностью без специального разрешения. [10]

Временное проживание означает регистрацию иностранца по месту пребывания на срок от трёх месяцев до трёх лет. Получение разрешения на временное проживание требует прохождения процедуры, включающей проверку органами безопасности, предоставление документов о финансовой состоятельности и медицинское освидетельствование. Иностранец с разрешением на временное проживание получает право на трудовую деятельность при наличии соответствующего разрешения, доступ к социальным услугам в ограниченном объёме, однако остаётся исключённым из политических процессов и не может претендовать на получение гражданства в ускоренном порядке. [11]

Постоянное проживание представляет собой наиболее привилегированный статус для иностранца, предоставляющий вид на жительство без ограничения срока действия. Иностранец с видом на жительство получает право на свободное передвижение по территории России, трудовую деятельность без дополнительных разрешений, доступ к социальным услугам наравне с гражданами, однако по-прежнему лишён политических прав и не может занимать государственные должности. Процедура получения вида на жительство предполагает предварительное получение разрешения на временное проживание, демонстрацию финансовой независимости, отсутствие судимостей и угрозы национальной безопасности.

Система миграционного контроля в Российской Федерации функционирует через механизм регистрации, который представляет собой не просто административную процедуру, но инструмент государственного надзора над передвижением и пребыванием иностранных граждан. Федеральный закон от 18 июля 2006 года № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [4] устанавливает обязательность регистрации по месту пребывания в течение семи дней с момента прибытия на территорию России.

Регистрация осуществляется органами Федеральной миграционной службы (в настоящее время — подразделениями МВД России) и предполагает предоставление паспорта, документов о целях пребывания, подтверждение места проживания. Интересно наблюдать, что система регистрации, хотя и обоснована необходимостью контроля над миграционными потоками, порождает значительные административные барьеры для иностранцев и создаёт условия для коррупции на уровне местных органов власти. Нарушение требований регистрации влечёт административную ответственность в виде штрафа, а в случае повторного нарушения — депортацию. [5]

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [3] регулирует процедуры натурализации иностранных граждан. Общий срок проживания в России перед подачей заявления о приобретении гражданства составляет пять лет, однако для отдельных категорий (инвесторы, высококвалифицированные специалисты, лица, имеющие родственников — граждан России) предусмотрены сокращённые сроки. Процедура натурализации включает проверку органами безопасности, демонстрацию знания русского языка и истории.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. № 237.
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3032.
3. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.
4. Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3285.
5. Приказ МВД России от 31 декабря 2017 г. № 1001 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче иностранным гражданам виз» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2018. № 9.
6. Бекяшев К.А. Международное публичное право: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019. 528 с.
7. Вишняков В.Г. Миграционное право Российской Федерации: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2018. 384 с.
8. Гражданское право: учебник / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020. 1088 с.

9. Дмитриев Ю.А., Казьмин И.Ф. Правовое положение иностранных граждан в Российской Федерации. М.: Юрист, 2003. 256 с.

10. Зозуля В.В. Правовое положение иностранцев в России: история и современность. М.: Норма, 2005. 320 с.

11. Иванов Г.П. Миграционное право: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2021. 412 с.

АБДУЛАЗИЗОВ ФАРИДУН АБДУЛХАФИЗОВИЧ – магистрант, Уральский государственный экономический университет, Россия.

П.К. Сергеева

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНОГО НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

Статья посвящена исследованию проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьей 143 УК РФ, на основе анализа судебной практики. Автор рассматривает трудности, возникающие при применении этой нормы, включая вопросы выявления субъектов преступления, установление причинно-следственных связей между нарушением требований охраны труда и наступлением вредных последствий, а также различие подходов судов к квалификации указанных деяний.

Ключевые слова: Гендерная преступность, анализ гендерной преступности, гендерные стереотипы.

Часть 3 ст. 37 Конституции Российской Федерации провозглашает право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены. Вместе с тем соотношение травматизма на рабочих местах, числа нарушений требований охраны труда, количества возбуждаемых по ст. 143 УК РФ уголовных дел и осужденных лиц отличается несоразмерностью. Это свидетельствует о низкой эффективности борьбы с преступностью в сфере охраны труда, о существующей проблеме в выявлении лиц, виновных в совершении таких преступлений, а также о проблеме квалификации соответствующего преступления. [1]

Рассмотрим применение данной нормы на примере из судебной практики.

Так, например, в постановлении Пермского краевого суда от 29.04.2025г. изложены следующие обстоятельства дела. Как следует из представленных материалов, 7 ноября 2022 года возбуждено уголовное дело № 1220257001400008 по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 143 УК РФ, по факту нарушения требований охраны труда неустановленным лицом из числа руководства ИП Ш., повлекшее 25 февраля 2022 года причинение тяжкого вреда здоровью Б.

7 августа 2023 года следователем следственного отдела по Мотовилихинскому району г. Перми СУ СК РФ по Пермскому краю С. вынесено постановление о прекращении уголовного дела на основании п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием события преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 143 УК РФ, поскольку анализ имеющихся в деле доказательств свидетельствует о том, что травма Б. получена вследствие ее собственной неосторожности. [2]

В данном случае перед судом был поставлен вопрос об определении причины появления у Б. травмы. Если Б «самоповредила», то есть к причинению травмы привела собственная невнимательность, в таком случае ст. 143 УК РФ здесь неприменима.

В юридической литературе отмечается разный подход судов к квалификации деяния: используется идеальная совокупность общей и специальной нормы (например, ч. 2 ст. 143 УК РФ и ч. 2 ст. 219 УК РФ) либо применяется общая норма вместо специальной (ч. 2 ст. 143 УК РФ вместо ч. 2 ст. 216 УК РФ). Также указывается на отсутствие единого подхода судов в определении причинно-следственной связи между деянием и последствиями. В частности, речь идет о допустимости привлечения к уголовной ответственности за невыполнение обязанностей по контролю за действиями подчиненных лиц при наступлении криминообразующих последствий. Анализ соответствующих приговоров показал, что в ходе рассмотрения уголовного дела по ч. 2 ст. 143 УК РФ в одном случае суд определил, что причиной происшествия с работником стало отсутствие контроля со стороны уполномоченного на обеспечение соблюдения требований охраны труда лица. В другом случае суд посчитал недопустимым учет формального назначения ответственного лица в качестве безусловного основания для его привлечения к уголовной ответственности. [1]

Спорным вопросом является определение субъекта преступления. В комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации под редакцией Лебедева говорится о том, что специальным субъектом

© П.К. Сергеева, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

данного преступления являются «лица, на которых в силу их служебного положения или по специальному распоряжению непосредственно возложена обязанность обеспечивать соблюдение правил и норм охраны труда на определенном участке работ, а также руководители предприятий и организаций, их заместители, главные инженеры, главные специалисты предприятий». [4] Тогда как в судебной практике все гораздо сложнее. Так, очень показательным в этом смысле является Апелляционное постановление № 22-3548/2016 от 5 июля 2016 г. по делу № 22-3548/2016. Суть дела состояла в том, что суд первой инстанции не оценил локальные нормативно-правовые акты организации, а именно распределение ответственности за соблюдение требований охраны труда в организации. Подсудимый, несмотря на то, что был главным инженером, не был ответственен за безопасность на том участке деятельности организации, где произошли общественно опасные последствия в виде причинения смерти человеку. Положение по организации работы в области охраны труда в обществе с ограниченной ответственностью назначало ответственным за безопасность на данном участке работ не главного инженера, а иное лицо. В связи с тем, что судом первой инстанции не были рассмотрены и оценены локальные акты организации, уточняющие статус подсудимого, суд апелляционной инстанции отменил приговор и отправил дело на новое рассмотрение. Таким образом, для того, чтобы определить является ли лицо специальным субъектом данного преступления, мало указания на его должность, необходимо изучить все локальные акты, касающиеся должностного положения и ответственности данного лица в организации. [5]

Рассмотрим еще один пример из судебной практики.

Решение Эжвинского районного суда г. Сыктывкара Республики Коми от 11.05.2025г в котором изложены следующие обстоятельства: ФИО1 обратился в суд с иском к ООО «Севэнергоизоляция-РК» о взыскании незаконно удержанной заработной платы, в обоснование которого указал, что работал у ответчика с **.**. на должности мастера строительных и монтажных работ. **.**. был переведен на должность главного инженера. С директором Общества ФИО4 был знаком с 2008 года и находился с ним в дружеских отношениях, но **.**. уволился по собственному желанию, поскольку не согласился быть номинальным учредителем и руководителем новой организации, которую купил директор. Спустя три года после его увольнения директор ООО ФИО4 обратился в суд с иском о взыскании с него задолженности по договору займа №..., который был удовлетворен и долг по займу в размере 1179848,35 руб., а также проценты за пользование чужими денежными средствами были с него взысканы. **.**. в адрес ответчика ГИТ в РК вынесено предостережение о недопустимости нарушения обязательных требований, касающихся трудовых прав. ГИТ в ходе проверки установлено, что Обществом производились удержания из заработной платы истца в счет погашения займа, что не предусмотрено ТК РФ. Заработная плата ответчиком выплачивалась и в наличной и безналичной форме, в частности, на банковскую карту истца перечислялась заработная плата, которая по расчетным листкам составляла 35000 руб. в месяц, из нее, начиная с июня 2018 года, производились удержания в размере 50% в счет погашения займа. За период с **.**. по **.**. удержания из заработной платы в счет исполнения договора займа составили 330422,45 руб. Поскольку ответчиком расчетные листки ежемесячно работникам не выдавались, заявление на удержание из заработной платы истцом работодателю не подавалось, при этом ГИТ выявлено данное нарушение его трудовых прав, полагает, что ответчиком незаконно производилось удержание денежных средств из его заработной платы, в связи с чем просит взыскать с ООО указанные денежные средства в размере 330422,45 руб., а также предусмотренную ст. 236 ТК РФ денежную компенсацию за период с **.**. по **.**. в размере 336890,43 руб. [3]

В данном случае суду приходилось руководствоваться не только нормами уголовного законодательства, но и гражданскими. В решении суд часто ссылается на ГК РФ, ГПК РФ, ТК РФ. Отсюда возникает сложность квалификации данного преступления, что обусловлено бланкетностью диспозиции указанной уголовно-правовой нормы.

Данная научная статья позволяет сделать вывод о недостаточной проработанности вопросов квалификации преступлений в сфере охраны труда, подчеркивая необходимость дальнейшего исследования. При исследовании специальной юридической литературы можно прийти к заключению о значительном расхождении теоретических положений и реальной судебной практики, что требует внесения изменений в законодательство и выработки единых критериев оценки противоправных деяний в области охраны труда.

Библиографический список

- 1.К.Д. Николаев, Е.С. Квасников. Детерминанты проблем применения ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России – 2024 – С. 135-141 – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-problem-primeneniya-st-143-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii>.
- 2.Постановление Пермского краевого суда от 29.04.2025г.//СудАкт: электронный информационный портал. – Текст: электронный.

3. Решение Эжвинского районного суда г. Сыктывкара Республики Коми от 11.05.2025г. // СудАкт: электронный информационный портал. – Текст: электронный.

4. Уголовный Кодекс Российской Федерации // Гарант: информационно-правовой портал – Текст: электронный.

5. А.А. Шумская. Практические проблемы квалификации нарушения требований охраны труда // Международный студенческий научный вестник. - 2016. - № 6 - URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16665>.

СЕРГЕЕВА ПОЛИНА КОНСТАНТИНОВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

П.К. Сергеева

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЕНКА

Статья исследует особенности уголовно-правовой защиты права на жизнь, предусмотренные Конституцией РФ, особое внимание уделяется составу преступления, установленному ст. 106 УК РФ ("убийство матерью новорожденного"). Приводится судебная практика и рассматривается проблема разграничения ст. 106 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Анализируются возрастные критерии субъектов и потерпевших, подчеркивая значимость всестороннего анализа обстоятельств каждого дела для справедливого назначения наказания.

Ключевые слова: дети, детоубийство, материнство, убийство новорожденного.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому гражданину право на жизнь. В этой связи под уголовно-правовой охраной находятся человек, его жизнь, здоровье.

Особое место среди составов преступлений против личности занимает убийство матерью новорожденного ребенка. Сегодня не утихают дискуссии среди ученых и практических работников относительно отдельных аспектов квалификации данного деяния.

Состав преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ, в России относится к числу привилегированных. Смягчение обуславливается особым положением женщины во время родов и сразу после них, связанным с труднопереносимым психофизическим состоянием женщины, что свидетельствует о меньшей опасности ее личности. [1]

Рассмотрим применение данной статьи на практике. Приговор Ивантеевского городского суда Московской области от 12.03.2025г. в котором изложены следующие обстоятельства дела: 20.10.2024 в период времени с 11 до 13 часов, находясь у себя дома на 7-8 месяце беременности, осознавая, что у нее начались схватки, поняла, что через короткое время у нее произойдут роды. С целью родов С. А.А. проследовала в туалетную комнату, где вследствие тяжелого материального положения и отсутствия постоянного заработка решила совершить убийство новорожденного ребенка во время родов.

Осознавая, что для безопасного рождения ребенка необходимы специальные медицинские познания в области акушерства и гинекологии, специальные условия, а также помещение, отвечающее требованиям безопасности и гигиены, пренебрегая условиями, необходимыми для благоприятного деторождения, в помещении туалета, непригодном для благоприятного деторождения, самостоятельно родила живорожденного, недоношенного, незрелого, но жизнеспособного младенца женского пола, с внутриутробным развитием, сроком менее 10 лунных месяцев, который выпал из ее матки в унитаз.

Реализуя свой преступный умысел, направленный на убийство своего новорожденного ребенка во время родов, С. А.А., заведомо зная, что новорожденный ребенок для дальнейшей жизнедеятельности нуждается в специальном уходе и питании, медицинской помощи, предвидя возможность наступления общественно-опасных последствий в виде причинения смерти новорожденному ребенку, находящемуся в беспомощном состоянии и зависимом только от нее положении, и желая их наступления, перерезала пуповину и вышла из туалетной комнаты, оставив новорожденного ребенка лежать головой в наполненной водой чаше унитаза, тем самым создала условия, исключающие возможность выживания новорожденного ребенка. От механической асфиксии в результате утопления в пресной воде, которая расценивается как повреждение, причинившее тяжкий вред здоровью человека по признаку опасности для жизни, наступила смерть младенца женского пола на месте происшествия. Между повреждением, причинившим тяжкий вред здоровью, и смертью младенца имеется прямая причинно-следственная связь. [2]

В данном случае суд квалифицировал данное деяние по ст.106 УК РФ не беря во внимание факт того, что во время судебного заседания подсудимая утверждала, что просто не поняла, что родила. Подумала, что у нее просто выпал какой-то орган, о чем она сообщила приехавшей бригаде скорой помощи, а потом и врачам в больнице.

© П.К. Сергеева, 2026.

Научный руководитель: *Дробот Сергей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

Особое внимание следует акцентировать на обстановке совершения преступления: в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства. С точки зрения О. В. Лукичева, понятие «психотравмирующая ситуация» не имеет четких границ, оно определяется специалистами в каждом конкретном случае, в ходе комплексного исследования личности, исходя из обстоятельств деяния. Принято считать, что под психотравмирующей ситуацией понимаются негативные обстоятельства и эмоции, которые вызваны указанными обстоятельствами. Применительно к ст. 106 УК РФ данные обстоятельства связаны с родовым процессом, в частности отказ отца ребенка от него, негативное отношение родственников и т. д. При этом анализ 95 материалов уголовных дел по ст. 106 УК РФ, проведенный А. М. Багметом и А. В. Трощановичем, свидетельствует о том, что только в материалах двух дел женщина при совершении преступления находилась в состоянии эмоционального напряжения, вызванного длительной психотравмирующей ситуацией, в остальных случаях никаких временных болезненных психических состояний не выявлено. П. Кривошеин, изучая практику применения ст. 106 УК РФ, отмечает, что подавляющее число убийств совершается матерями не сразу после родов, а уже за пределами родильного дома по истечении нескольких дней, когда мать в полной мере осознает факт физической неприкосновенности человека. Таким образом, речь о каких-либо смягчающих обстоятельствах не может идти. [1]

Еще одним актуальным вопросом при квалификации подобного рода деяний является разграничение ст. 106 и п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сложность возникает в момент определения времени смерти ребенка и кого мы можем считать новорожденным, а кого малолетним.

Для того, чтобы четко разграничить смежные составы (ст. 105 и 106 УК РФ), необходимо выделить отличительные признаки состава п. «в», ч. 2 ст. 105 УК РФ. Признак потерпевшего - малолетнее лицо. Согласно ст. 28 ГК РФ, малолетний - это лицо, не достигшее 14 лет. [3]

Также достаточно частым вопросом, при вменении одной из указанных статей, стоит вопрос о возрасте матери.

Так, согласно статье 20 УК РФ, лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 106 УК РФ с 16 лет, в отличие от ст. 105 УК РФ, где лицо подлежит ответственности с 14 лет. Соответственно, если лицо женского пола родит ребенка в промежутке между 14 и 16 годами, то оно может привлекаться к ответственности только по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, хотя объективная сторона может и не отличаться от ст. 106 УК РФ. Мать, не совершая более общественного опасного деяния, чем предусмотрено статьей 106 УК РФ, приговаривается по ст. 105 УК РФ. Таким образом, нарушается принцип справедливости, установленный ч. 1 ст. 6 УК РФ: «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного». [3]

Данная статья позволяет детально проанализировать правовые аспекты квалификации убийства матерью новорожденного ребенка, выявить проблемные моменты правоприменительной практики. Исследование подтверждает необходимость учета индивидуальных факторов каждой конкретной ситуации, влияющих на квалификацию действий матери, и обеспечивает основу для дальнейшего совершенствования действующего законодательства и подходов судов к назначению наказания.

Библиографический список

1. Л.А. Латышева Спорные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 106 Уголовного кодекса Российской Федерации // Журнал прикладных исследований – 2023 – С. 96-99 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spomnye-voprosy-kvalifikatsii-prestupleniya-predusmotrennogo-st-106-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii>.
2. Приговор Ивантеевского городского суда Московской области от 12.03.2025г // СудАкт: информационный правовой портал – Текст: электронный.
3. Д.А. Говорухин Убийство матерью новорожденного ребенка: проблемы квалификации и разграничение смежных составов (п. В ч. 2 ст. 105 ук рф и ст. 106 ук рф) // Вопросы российской юстиции – 2022 – С. 411-448 – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ubiystvo-materyu-novorozhdennogo-rebenka-problemy-kvalifikatsii-i-razgranichenie-smeznyh-sostavov-p-v-ch-2-st-105-uk-rf-i-st-106>.
4. Уголовный Кодекс Российской Федерации // Гарант: информационно-правовой портал – Текст: электронный.

СЕРГЕЕВА ПОЛИНА КОНСТАНТИНОВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

Д.Д. Сангинов, Э.А. Махиянова

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ О ПРАВЕ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК, ВОЗНИКАЮЩИЕ ИЗ СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена исследованию правового режима земельных участков, полученных одним из супругов в период брака на безвозмездной основе. Анализируются трудности, возникающие при разделе таких участков между супругами, в частности, применительно к землям, предназначенным для садово-огороднического хозяйства и индивидуального жилищного строительства. Изучается судебная практика, включая позиции Верховного Суда РФ.

Ключевые слова: земельный участок, право собственности, совместная собственность супругов, раздел имущества супругов, акт органа местного самоуправления, постоянное (бессрочное) пользование, судебная практика, индивидуальное-жилищное строительство, садово-огородническое хозяйство.

Институт права собственности на земельные участки занимает центральное место в системе вещных прав, определяя основы устойчивого развития и социально-экономической стабильности. В современной правовой реальности регулирование земельных отношений неизбежно пересекается с нормами других отраслей права, формируя комплексные правовые конструкции. Особую значимость и практическую актуальность приобретает взаимодействие земельного и семейного права, поскольку именно в семье происходит первоначальное формирование и последующее изменение имущественных активов, среди которых земля, обладающая признаками уникальности и незаменимости, играет ключевую роль.

Подчеркивая актуальность проблемы, О.И. Плеханова справедливо пишет: «В современных условиях права частной собственности весьма злободневен вопрос раздела земельного участка...» [1, 79]. Представляется, что данная злободневность обусловлена не только распространенностью подобных споров, но и глубокой коллизией, возникающей на стыке принципов: с одной стороны, равенства прав супругов на совместно нажитое имущество, а с другой — публично-правовых ограничений оборота земель, установленных в интересах общества.

В частности, на практике возникают трудности относительно земельных участков, предоставленных бесплатно одному из супругов во время брака на основании акта органа местного управления. Так, К.Н. обратилась в суд с иском к К.С. о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества в равных долях, ссылаясь на то, что с 1984 года состоит в браке с ответчиком, семейные отношения между ними прекращены 23 июля 2008 г.¹. В период брака сторонами нажито подлежащее разделу имущество, состоящее из двух земельных участков, трактора, снегохода, недостроенного жилого дома, автомобиля и индивидуального жилого дома. Нижестоящие суды, квалифицировав как безвозмездную сделку, отказали в разделе земельных участков, сославшись на п. 2 ст. 36 СК РФ. Однако Верховный Суд отменил данные решения, проведя четкое разграничение между гражданско-правовой сделкой и административным актом. Ссылаясь на системное толкование ст. 8 ГК РФ, Суд указал, что закон разделяет основания возникновения прав: договоры (сделки) и акты государственных органов. Бесплатное предоставление земли по акту местной администрации не является безвозмездной сделкой в смысле семейного законодательства. Следовательно, режим исключительной собственности одного из супругов (ст. 36 СК РФ) применению не подлежит.

Представленный выше подход высшей инстанции, не является единственно возможным. Анализ более ранней практики Верховного Суда РФ позволяет выявить позицию, которая также ведет к признанию участка совместной собственностью, даже если бы он и был квалифицирован как безвозмездное предоставление. Так, в 2002 году, рассматривая аналогичный спор, Верховный Суд обратил внимание на

© Д.Д. Сангинов, Э.А. Махиянова, 2026.

Научный руководитель: *Талевлин Андрей Александрович* – кандидат юридических наук, доцент, Челябинский государственный университет, Россия.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2018): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018 (ред. от 25.04.2025) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4. 2019.

то, что предоставление земельного участка даже формально одному супругу, было осуществлено «с учетом наличия семьи», что изначально предполагает ее общий, семейный характер. Следовательно Суд пришел к выводу, что поскольку на момент предоставления супруги состояли в браке, исключение этого объекта из состава общего имущества противоречит закону¹.

Аналогичная тенденция складывается и при рассмотрении споров о разделе земельного участка, предоставленного в постоянное (бессрочное) пользование. Правовой режим земельного участка, полученного одним из супругов на безвозмездной основе на праве постоянного пользования и затем приватизированного, не получил однозначного разрешения. Так, разрешая спор о разделе совместно нажитого имущества, Пресненский суд г. Москвы признал за Д. право собственности на земельный участок, выделенный ей бесплатно в деревне Поздняково Можайского района Московской области для ведения садово-огороднического хозяйства. При этом Суд исходил из того, что земельный участок был выделен Д. в постоянное (бессрочное) пользование в период брака с С., в дальнейшем был приватизирован на ее имя. В связи с тем, что данный участок был выделен и приватизирован Д. бесплатно, он, по мнению суда, не подлежит разделу как лично принадлежащее ему имущество. С таким решением согласилась Судебная коллегия по гражданским делам и Президиум Московского городского суда. [3,389]. Вместе с тем Суд вышестоящей инстанции отменил ранее принятые решения и указал, что хотя и передача земельного участка одному из супругов осуществлялась на безвозмездной основе, необходимо также учитывать то, что он предоставлялся в целом для семьи Д. и С.

Исходя из этого, при рассмотрении споров о разделе земельных участков, предназначенных для ведения садово-огороднического хозяйства и индивидуально-жилищного строительства также необходимо учитывать тот факт, что они предоставлялись в первую очередь для развития сельского хозяйства или жилищных условий внутри семьи, путем совместных усилий. Формальный титул собственника и последующая регистрация прав сами по себе не определяют правовой режим имущества, если доказано, что создание и благоустройство объектов осуществлялись в период брака за счёт общих средств и совместного труда супругов. В этом контексте судебная практика ориентируется на оценку совокупности доказательств, позволяющих выявить реальный вклад каждого из супругов в формирование имущественного комплекса. В апелляционном определении Ульяновского областного суда Суд рассмотрел спор о признании имущества совместно нажитым супругами и взыскании денежной компенсации после расторжения брака. Предметом спора стали жилой дом, гараж и забор, возведённые в период брака на земельном участке, который впоследствии был продан матери супруга. Суд первой инстанции признал совместно нажитым только гараж и забор, отказав в признании жилого дома общим имуществом из-за якобы недоказанности его строительства за счёт средств супругов. Апелляционный суд признал такой вывод ошибочным. Он указал, что совокупность доказательств (показания свидетелей, документы, фактические обстоятельства строительства) подтверждает возведение дома, гаража и забора именно в период брака и за счёт общих усилий и средств супругов. В результате апелляционный суд отменил решение в части отказа, признал жилой дом совместно нажитым имуществом и взыскал с ответчика дополнительную компенсацию за 1/2 долю дома². Итоговое решение направлено на восстановление баланса интересов сторон и защиту прав бывшей супруги на общее имущество.

Особая специфика земли как объекта гражданских прав, сочетающая в себе частноправовые и публично-правовые начала, обуславливает необходимость комплексного подхода при разрешении споров о её принадлежности и разделе между супругами.

Судебная практика, в том числе позиции Верховного Суда Российской Федерации, свидетельствует о постепенном отходе от формального толкования норм семейного законодательства и усилении принципа учета фактического семейного характера приобретения земельного участка. Бесплатное предоставление земельного участка одному из супругов на основании акта органа публичной власти, равно как и предоставление его на праве постоянного (бессрочного) пользования с последующей приватизацией, само по себе не может служить безусловным основанием для признания такого имущества личной собственностью. Ключевое значение приобретает цель предоставления земельного участка, а также наличие брачных отношений и совместного ведения хозяйства на момент его получения.

Таким образом, представляется целесообразным закреплению подхода, в соответствии с которым решающее значение при квалификации правового режима таких земельных участков должны иметь фактические семейные обстоятельства и цель их предоставления. Данный подход позволит сба-

¹ Определение Верховного Суда РФ от 12.02.2002 N 5B01-95 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. N 9. С. 7 – 8.

² Апелляционное определение № 33-1631/2021 Ульяновский областной суд от 12 мая 2021 г. // Официальный сайт Ульяновского областного суда.

лансировать частные и публичные интересы и обеспечить справедливый раздел имущества. Данная статья может служить ориентиром для правоприменителей при разрешении споров о разделе земельных участков, способствуя единообразию практики и эффективной защите прав граждан.

Библиографический список

1. Плеханова О.И. Раздел земельного участка между супругами и бывшими супругами // Вопросы российского и международного права. 2016. № 4. С. 179.

2. Толчеев Н.К. Настольная книга судьи по гражданским делам. (2-е издание, переработанное и дополненное) // «Велби», «Проспект». 2008. С. 389.

САНГИНОВ ДЖАВЛОН ДЖАХОНГИРОВИЧ – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

МАХИЯНОВА ЭЛЬВИНА АНФИСОВНА – студент, Челябинский государственный университет, Россия.

В.А. Кудашова

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, ОСВОБОЖДЕННЫХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Проблема правонарушений среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, является актуальной для многих стран мира. Освобождение из мест лишения свободы не всегда означает полное возвращение человека в общество. Часто бывшие заключенные сталкиваются с множеством трудностей, которые могут привести к рецидиву. В этой статье мы рассмотрим основные причины правонарушений среди данной категории граждан и возможные меры по их предупреждению¹

Ключевые слова: рецидивная преступность, проблемы правонарушений и решение данных проблем в современном обществе.

К причинам правонарушений можно отнести:

1. Социальная изоляция: Освобождённые из мест лишения свободы часто испытывают трудности в социальной адаптации. Отсутствие поддержки со стороны семьи и общества, а также стигматизация могут способствовать их изоляции.

2. Экономические трудности: Нехватка финансовых ресурсов и отсутствие работы становятся серьёзными факторами, способствующими правонарушениям. Многие бывшие заключенные не могут найти работу из-за отсутствия навыков или предвзятости со стороны работодателей. Работодатели не хотят брать на работу ранее судимых людей, в связи с тем, что у данной категории граждан очень большая вероятность снова совершить преступления, не уйти от соблазна завладеть чужим имуществом, относящимся работодателю

3. Психологические проблемы: Лица, отбывшие наказание, могут страдать от различных психологических расстройств, таких как депрессия или посттравматическое стрессовое расстройство. Такие граждане крайне редко обращаются к психотерапевтам за помощью, так как не считают это нужным и пускают все на самотёк. Пытаются справиться с психологическими проблемами сами, а именно найти занятия по душе, в их случае это снова идти на преступление, либо задушить боль употреблением алкогольной продукции либо наркотические средства. Эти состояния могут способствовать агрессивному поведению и правонарушениям.

Меры по предупреждению правонарушений

1. Социальная реабилитация: Важно создать программы социальной реабилитации, которые помогут бывшим заключенным адаптироваться к жизни на свободе. Это могут быть курсы по обучению навыкам, психологическая поддержка и программы по трудоустройству.

2. Поддержка со стороны государства: Государственные органы должны разработать специальные программы, направленные на помощь освобожденным. Это может включать финансовую помощь, доступ к медицинским услугам и жилью. Ранее судимы, освобождающиеся за тяжкое и особо тяжкое преступление, имеющий опасный и особо опасный рецидив попадают под действия Федерального закона от 06.04.2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». В порядке адаптации ранее судимых людей в обществе ежемесячно проводятся межведомственные комиссии совместно с представителями власти, а именно представители администрации, сотрудников уголовно-исполнительной инспекции, сотрудников органов внутренних дел, сотрудников прокуратуры, сотрудников социальной защиты населения, а так же представители центра занятости населения, где на данной комиссии гражданин, недавно освобожденный из мест лишения свободы может обозначить социальную проблему, представители межведомственной комиссии могут предложить решения данной проблемы²

© В.А. Кудашова, 2026.

¹ Шемякин И.Г. Социальные программы по реинтеграции бывших заключенных // Вопросы социальной работы. – 2022. – № 4. – С. 20.

² Петров С.Н. Правонарушения и рецидив: причины и механизмы // Право и справедливость. – 2022. – № 4. – С. 83.

3. Образование и профессиональная подготовка: Образовательные программы, направленные на получение новых знаний и навыков, могут значительно повысить шансы на успешную интеграцию в общество. Профессиональная подготовка поможет бывшим заключенным найти работу и избежать рецидива.

4. Создание поддерживающих сообществ: Важно формировать сообщества, которые будут поддерживать освобожденных, помогать им в адаптации и предоставлять возможность общения с людьми, которые прошли через аналогичный опыт. Такие группы могут стать источником моральной поддержки и обмена опытом.

5. Общественное просвещение: Важно проводить кампании по повышению осведомленности общества о проблемах, с которыми сталкиваются освобожденные. Снижение предвзятости со стороны общества может значительно облегчить процесс их адаптации.

6. Лиц имеющих опасный и особо опасный рецидив состоящих под административным надзором сотрудники полиции осуществляют контроль за данной категорией лиц контроль. Инспектор по осуществлению административного надзора обязан согласно п. 7.6, и п. 7.15 Приказа МВД России от 08.07.2011 года № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»

П. 7.6. Запрашивает ежемесячно необходимую информации по фактам привлечении поднадзорных лиц к административной ответственности

П. 7.15. Подготавливают необходимые материалы и заявление в суд о продлении срока административного надзора либо его досрочном прекращении, а также о частичной отмене или дополнении ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений в соответствии с требованиями ст. 261.5 и 261.6 Гражданско-процессуального кодекса Российской Федерации.

Инспектор по осуществлению административного надзора при выявлении фактов совершения поднадзорным лицом в течение одного года двух и более административных правонарушений против порядка управления, и (или) административных правонарушений посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность, и (или) административных правонарушений, предусмотренных ч. 7 ст. 11.5, и (или) ст. 11.9, и (или) ст. 12.8, и (или) ст. 12.26 Кодекса об административных правонарушения Российской Федерации, обязан подготовить материал для установления дополнительных ограничений в отношении поднадзорного лица.

Подготовка материала в суд на установление дополнительных ограничений в отношении поднадзорного лица и вменении дополнительных ограничений является мерой наказания не связанной с лишением свободы поднадзорного лица, то есть поднадзорное лицо, при совершении повторных правонарушений, будет осознавать, что данные деяния могут понести наказания, и в будущем уже не будет совершать правонарушение, что тоже является способом адаптации ранее судимых лиц в обществе и социализации¹.

Так, по решению Кировского районного суда г. Омска от 12 июля 2025 года УМВД начальник УМВД России по городу Омску обратился в Кировский районный суд г. Омска с вопросом об установлении в отношении Губаренко дополнительных ограничений в виде обязательной явки три раза в месяц для регистрации в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения, на основании того, что гр. Губаренко Е.В., в течении года дважды была привлечена к административной ответственности против порядка управления, и (или) административных правонарушений посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность, и (или) административных правонарушений, предусмотренных ч. 7 ст. 11.5, и (или) ст. 11.9, и (или) ст. 12.8, и (или) ст. 12.26 Кодекса об административных правонарушения Российской Федерации, а именно Губаренко Е.В., была привлечена по ч. 1 ст. 6.9 КоАП РФ и ст. 20.25 КоАП РФ².

Пример из судебной практики: в отношении гр. Губаренко Е.В.,

Судья Кировского районного суда города Омска удовлетворил административно-исковое заявление начальника УМВД России по городу Омску в отношении Губаренко Е.В., и вменил поднадзорному лицу ограничения в виде обязательной явки три раза в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации.

Заключение

Предупреждение правонарушений среди лиц, освобожденных из мест лишения свободы, требует комплексного подхода, включающего как социальные, так и экономические меры. Важно понимать, что

¹ Кузнецова Е.А. Психосоциальная поддержка бывших заключенных: опыт и практика // Социальная работа и общество. – 2024. – № 2. – С. 59.

² Дело № 2а-1699/2025 // Кировский суд г Омска //URL: https://kirovcourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=306664020&case_uid=a4de6914-0ed3-4a1a-857d-e71492048948&delo_id=41(дата обращения: 11 марта 2025 г.).

успешная адаптация бывших заключенных в общество не только снижает уровень преступности, но и способствует созданию более безопасной и стабильной социальной среды. Инвестиции в программы реабилитации и поддержку освобожденных могут принести значительные дивиденды, как для самих людей, так и для общества в целом.

Библиографический список

1. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. ФЗ от 15 декабря 2025 г. № 489-ФЗ) // СЗ РФ. – 2001. – № 256. – ст. 1; www.pravo.gov.ru 15 декабря 2025 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г., №138-ФЗ (в ред. ФЗ от 31 июля 2025 г. №344-ФЗ) // СЗ РФ. - 2002. - № 46. - ст. 45321; www.pravo.gov.ru 31 июля 2025 г.
3. Кузнецова Е.А. Психосоциальная поддержка бывших заключенных: опыт и практика // Социальная работа и общество. – 2024. – № 2. – С. 58–66.
4. Петров С.Н. Правонарушения и рецидив: причины и механизмы // Право и справедливость. – 2022. – № 4. – С. 81–90.
5. Шемякин И.Г. Социальные программы по реинтеграции бывших заключенных // Вопросы социальной работы. – 2024. – № 4. – С. 19–28.
6. Дело № 2а-1699/2025 // Кировский суд г Омска //URL: https://kirovcourt-oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=306664020&case_uid=a4de6914-0ed3-4a1a-857d-e71492048948&delo_id=41(дата обращения: 11 марта 2025 г.).

КУДАШОВА ВЕРА АЛЕКСАНДРОВНА – магистрант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия.

А.В. Кривошеина

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья посвящена вопросам совершенствования системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в современных условиях. Сегодня сформировались определенные тренды в подростковой преступности. Как известно, противоправное поведение чаще всего формируется именно в раннем подростковом возрасте. Совершая правонарушения, несовершеннолетний способен проявлять преступное поведение в дальнейшем, соответственно, вопросам профилактики государство уделяет особое внимание. Профилактика правонарушений несовершеннолетних способствует их исправлению, формированию правильных установок. Таким образом, важно совершенствовать системы профилактики в соответствии с актуальными условиями общества и задачами государства в этой области.

Ключевые слова: профилактика правонарушений, превентивные меры, несовершеннолетние правонарушители, охрана детства, дивантное поведение, правоохранительная деятельность.

Изучение системы профилактики правонарушений несовершеннолетних позволяет отметить большой интерес исследователей и практиков к данному вопросу. Исторический опыт показывает, что система профилактики активно развивалась как в период Российской Империи, так и в советский период. Каждый исторический период имеет свои особенности, которые оказывали влияние на профилактику подростковой преступности. Современный этап не является исключением.

Стоит согласиться с С. Д. Гусевой и А. И. Протасова в том, что сегодня количество факторов, способствующих формированию преступного поведения у подростков, стремительно увеличивается, что связано, прежде всего, с изменениями в обществе, социально-экономической ситуацией, и с развитием информационных и цифровых технологий [4, с. 54].

На это же указывают и данные, приведенные в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года [2]. В указанной Концепции делается акцент на основных принципах, целях и задачах профилактики. Кроме того, отмечаются основные тенденции в сфере подростковой преступности. Однако сегодня данная Концепция требует пересмотра несмотря на то, что отмеченные проблемы сохранились, они приобрели несколько иные черты и требуют другого подхода.

Для того, чтобы выявить основные направления совершенствования системы профилактики, необходимо проанализировать современную ситуацию, а также эффективность уже реализованных мер.

В соответствии с данными, предоставленными МВД России, в 2024 году нарушили закон более 21 тыс. несовершеннолетних, это на 6% меньше, чем в 2023-м. Примечательно, что из них 4 тыс. ранее уже совершали преступления, а 1,5 т. были судимы. Кроме того, председатель следственного комитета А. И. Бастрыкин отмечает, что состояние подростковой преступности в России вызывает тревогу, в 2024 году фигурантами уголовных дел стали 9,5 тыс. подростков в возрасте 14-17 лет [7]. В 2025 году в суды было передано 5,5 тыс. уголовных дел в отношении подростков – на 8% больше, чем в 2024 году. К дисциплинарной ответственности привлечены почти 5 тыс. должностных лиц. Также подростки в этом году совершили 1,5 тыс. деяний против жизни и здоровья – на 13% больше, чем в прошлом году.

Рассматривая структуру подростковой преступности, стоит отметить, что лидируют преступления против собственности. Практически половина преступлений, совершенных подростками в 2024 году – преступления против собственности, хищения. В то же время, на втором месте в общей структуре отмечаются угоны транспортных средств – 10,8%, на третьем месте преступления, связанные с оборотом

© А.В. Кривошеина, 2026.

Научный руководитель: *Жайкбаев Жанбек Садыкович* – кандидат юридических наук, доцент, Курганский государственный университет, Россия.

наркотиков – 10,7% [8]. Помимо прочего, появляется тенденция к групповым преступлениям, то есть совершение преступлений в группе происходит в половине случаев.

Таким образом, криминогенная ситуация обуславливает необходимость интенсивного развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, ее совершенствования с учетом актуальных потребностей семьи, общества и государства.

Анализируя указанную часть статистической информации, можно проследить определённый тренд среди молодых преступников. Во главе рейтинга уже долгие годы держатся преступления, связанные с корыстными мотивами, и посягательством на собственность.

Однако при этом, криминологи отмечают влияние социальных сетей на формирование противоправного поведения. Так, А. В. Асламазян пишет о том, что сегодня большинство подростков являются активными пользователями сети «Интернет», соответственно, проводят там большую часть своего дня, и попадают под влияние информационного поля [3, с. 77].

Примечательно, что сегодня большинство факторов, формирующих деструктивные представления, связаны с влиянием социальных сетей и других цифровых инструментов. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что необходимо, во-первых, контролировать пространство социальных сетей, во-вторых, предлагать альтернативу.

На сегодняшний день государство демонстрирует довольно жесткую политику запретов, которая не приносит ожидаемых результатов, а, напротив, создает новые угрозы такие как распространение сервисов VPN. Представляется, что необходимо решать вопрос не посредством императивных методов, а гибко, создавая альтернативный контент, стимулируя развития отечественных мессенджеров и социальных сетей.

Работа в данном направлении охватывает многие органы и структуры, в том числе, правоохранительные органы. Сотрудники полиции непосредственно выполняют задачи по противодействию правонарушений, при этом, имеющиеся у них инструменты воздействия направлены на пресечение и недопущение совершения правонарушений уже тогда, когда у подростков возник умысел и они предпринимают попытки к совершению правонарушения. Важно применять превентивные меры.

Как пишет А. Д. Донская, правовое просвещение несовершеннолетних выступает одним из эффективных инструментов профилактики, и для повышения эффективности правового просвещения в необходимо предпринять меры по цифровизации правовых образовательных ресурсов [5, с. 458]. По мнению автора, разработка и внедрение онлайн-платформ с интерактивными курсами по вопросам кибербезопасности и административной ответственности, послужит эффективному восприятию правовых и общесоциальных норм.

Вопрос о влиянии нравственного и духовного кризиса, транслируемого в социальных сетях, на формирование противоправного поведения у подростков поднимает О. В. Жукова [6, с. 84]. По мнению автора, контент социальных сетей в значительной степени усиливает последствия нравственного кризиса в нашем обществе. Как показывают многочисленные исследования, именно деструктивный контент пользуется популярностью, и нередко становится причиной девиантного поведения подростков.

Государство в ответ на данный вызов стремится укрепить традиционные, семейные и духовные ценности, в том числе, посредством блокировки запрещенного контента. Стоит отметить, что публикации, отдельные группы, которые содержат материалы экстремистского, антисоциального характера, действительно стоит блокировать. При этом, важно заполнять информационное поле нормальными, социально приемлемыми установками. Данная мера может сработать только в комплексе с реальными действиями. Так, в данном направлении необходимо увеличить количество объектов социальной и досуговой инфраструктуры, принять меры по поддержке семей с детьми, прежде всего для того, чтобы родители и дети могли совместно участвовать в каком-либо виде деятельности.

На это же указывает А. А. Шубанин, подчеркивая роль семьи в системе профилактики [9, с. 121]. Стоит согласиться с автором в том, что опыт профилактики правонарушений исключительно полицией, образовательными организациями и другими институтами, значительной эффективности не показал, соответственно, следует усилить роль семьи в данном процессе. Необходимо помнить, что именно семья является первичным звеном социализации для ребенка, и обстановка в семье существенно влияет на установки личности в дальнейшем.

Примечательно, что профилактика подростковой преступности возможна лишь при консолидации усилий ОВД, образовательных, общественных организаций, так как причины преступности несовершеннолетних существенно отличается от причин и условий других видов преступности.

На наш взгляд, необходимо пересмотреть подход к организации системы профилактики несовершеннолетних, и увеличить применение мер профилактического воздействия в сети «Интернет».

Система профилактики должна позиционироваться, как исправительная, помогающая, поддерживающая. Именно такой подход послужит тому, что уровень преступности среди подростков пойдет на спад.

Таким образом, стоит заключить, что на современном этапе, в основе профилактики противоправного и преступного поведения несовершеннолетних должна лежать работа с семьей, окружением подростка, непосредственно индивидуальная психологическая работа с подростками из группы риска, а также активная информационная работа, направленная на формирование правовой грамотности, патриотических и других ценностных ориентиров. Наиболее эффективно проводить работу в социальных сетях, других цифровых ресурсов, а также применять всевозможные меры по противодействию распространения контента, содержащего деструктивные установки.

Библиографический список

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 139. 28.06.2016.
2. Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) // Собрание законодательства РФ. 03.04.2017. № 14. ст. 2088.
3. Асламазян А. В. Совершенствование организации деятельности по профилактике и предупреждению преступлений, совершенных несовершеннолетними // Вестник науки. 2023. №7 (64). С. 75-81.
4. Гусева С. Д., Протасова А. И. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних, вовлеченных в деструктивные сообщества // Виктимология. – 2025. – Т. 12. – №. 1. – С. 53-61.
5. Донскова А. Д. Правовое просвещение как инструмент профилактики правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник науки. – 2025. – Т. 4. – №. 11 (92). – С. 456-462.
6. Жукова О. В. Вопросы эффективности системы профилактики правонарушений несовершеннолетних в контексте обеспечения их прав и законных интересов // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – №. 2. – С. 78-87.
7. Председатель СК РФ А. Бастрыкин назвал тревожным уровень подростковой преступности в РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/23596255> (дата обращения: 12.12.2025).
8. Сколько в России несовершеннолетних преступников [Электронный ресурс]. URL: https://t-j.ru/juvenile-justice-stat/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 01.11.2025).
9. Шубакин А. А. Роль семьи в предупреждении и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних // Наука. Образование. Современность/Science. Education. The present. – 2024. – №. 4. – С. 120-123.

КРИВОШЕИНА АНАСТАСИЯ ВЯЧЕСЛАВОВНА – магистрант, Курганский государственный университет, Россия.

И.А. Глобаш

РОЗЫСК ЛИЦ, СКРЫВАЮЩИХСЯ ОТ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ, СЛЕДСТВИЯ И СУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена комплексному анализу розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, как ключевого института уголовно-процессуального права, обеспечивающего реализацию задач правосудия. Рассматривается актуальность данного процессуального действия в современных условиях, его правовая природа, основания и порядок объявления. Особое внимание уделяется дифференциации розыска в зависимости от стадии уголовного судопроизводства, полномочиям различных субъектов розыскной деятельности, а также проблемам правового регулирования и практики. Анализ проводится на основе норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, ведомственных нормативных актов и положений уголовного закона. В заключение формулируются выводы, направленные на совершенствование эффективности розыскной деятельности.

Ключевые слова: *уголовный розыск, скрывающееся лицо, органы дознания, предварительное следствие, суд, уголовно-процессуальное принуждение, меры процессуального принуждения, объявление в розыск, международный розыск.*

Актуальность темы розыска лиц, уклоняющихся от органов уголовного преследования и суда, в современной правовой действительности обусловлена комплексом факторов, среди которых рост мобильности населения, в том числе трансграничной, усложнение способов сокрытия, а также необходимость обеспечения неотвратимости ответственности за совершенные преступления [9]. Институт розыска служит гарантией реализации принципов законности, состязательности и обеспечения прав потерпевших на доступ к правосудию, поскольку без установления места нахождения подозреваемого, обвиняемого или подсудимого само производство по уголовному делу оказывается невозможным или существенно затрудненным, что ведет к блокированию всего механизма уголовной юстиции. В условиях глобализации и цифровизации розыскная деятельность требует постоянного совершенствования правовых основ и межведомственной координации, что подчеркивает ее научную и практическую значимость.

С правовой точки зрения розыск скрывающегося лица представляет собой систему предусмотренных уголовно-процессуальным законом действий компетентных государственных органов, направленных на установление его местонахождения и (или) места жительства для обеспечения его участия в производстве по уголовному делу. Основания для объявления в розыск строго регламентированы [13]. В соответствии со статьей 210 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), следователь, а также дознаватель с согласия прокурора выносят постановление о розыске подозреваемого или обвиняемого в случаях, когда их местонахождение неизвестно. Ключевым критерием является именно факт сокрытия от следствия или уклонения от явки по вызовам, а не просто неизвестность места нахождения, что подтверждается судебной практикой. После вынесения постановления лицо объявляется в федеральный или международный розыск через соответствующие подразделения органов внутренних дел, которые выступают основным субъектом оперативно-розыскного обеспечения этой задачи. На стадии судебного производства, если подсудимый скрылся, суд вправе вынести решение о розыске, приостановив производство по делу (часть 3 статьи 253 УПК РФ) [2]. Таким образом, законодатель четко дифференцирует розыск на досудебной и судебной стадиях, хотя его сущность остается единой [7].

Объявление в розыск влечет за собой важные правовые последствия, главным из которых является возможность избрания в отношении скрывающегося лица меры пресечения в виде заключения под стражу заочно. Статья 108 УПК РФ предусматривает, что ходатайство об избрании данной меры пресечения может быть рассмотрено судом в отсутствие обвиняемого, если он объявлен в международный розыск. Это исключительная процессуальная мера, обусловленная необходимостью предотвратить дальнейшее уклонение и обеспечить исполнение будущего приговора [8]. Кроме того, с момента объявления в розыск течение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, установленных статьей 78 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), приостанавливается (пункт 3 части 3 статьи

78 УК РФ). Данная норма является правовым ответом на действия лица, направленные на уклонение от ответственности, и предотвращает освобождение от нее вследствие истечения сроков по его же вине.

Процессуальный порядок розыска предполагает тесное взаимодействие между следователем (дознавателем) как инициатором розыска и розыскными подразделениями, прежде всего, в системе МВД России [12]. Ведомственные нормативные акты, такие как Инструкция об организации розыска лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, и уклоняющихся от уголовного наказания, детализируют механизм этого взаимодействия, включая порядок направления розыскных заданий, запросов, формирования розыскного дела и использования оперативно-розыскных методов. Особое место занимает международный розыск, осуществляемый в рамках межгосударственных договоров, чаще всего через каналы Интерпола. Правовой основой здесь выступают как международные конвенции, так и глава 54 УПК РФ [2], регулирующая взаимодействие с компетентными органами иностранных государств. Эффективность международного розыска напрямую зависит от качества предоставленной розыскной информации и соблюдения процедур, установленных национальным законодательством запрашиваемой страны.

Анализ правовых норм позволяет выявить ряд проблемных аспектов. Во-первых, существует определенная коллизия между необходимостью оперативности в объявлении розыска и требованием соблюдения прав лица, которое на начальном этапе может отсутствовать по уважительной причине. Во-вторых, остается дискуссионным вопрос о правовом статусе лица, объявленного в розыск, но еще не задержанного, в части возможности обжалования самого постановления о розыске до его фактической поимки. В-третьих, на практике возникают сложности с розыском лиц, не имеющих постоянной регистрации, активно использующих средства цифровой анонимности, что требует дальнейшего развития технических и правовых инструментов, включая регулирование доступа к данным электронных коммуникаций в строгих рамках закона. Кроме того, нуждается в постоянном совершенствовании межведомственное информационное взаимодействие между следственными органами Следственного комитета, МВД, ФСБ и судебными приставами, чья розыскная компетенция (по исполнительным производствам) часто пересекается.

Розыск лиц, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда, представляет собой комплексный, межотраслевой институт, играющий системообразующую роль в обеспечении функционирования уголовного судопроизводства. Его правовые основы, закрепленные в УПК РФ [2], УК РФ и ведомственных актах, создают необходимый каркас для деятельности правоохранительных органов. Однако динамика современной социальной реальности предъявляет повышенные требования к скорости, координации и технологической оснащенности розыскных мероприятий.

Для повышения эффективности необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в части четкой регламентации сроков и процедур взаимодействия между участниками розыскного процесса, расширения правовых возможностей по использованию цифровых следов, а также укрепления международного сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе. Только при условии комплексного подхода, сочетающего правовую базу с адекватными ресурсными и организационными мерами, институт розыска сможет в полной мере выполнять свою задачу по обеспечению неотвратимости ответственности и восстановлению справедливости, не нарушая при этом гарантии прав личности [10].

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, институт розыска скрывающихся лиц в Российской Федерации характеризуется наличием ряда системных правовых проблем, которые существенно снижают его эффективность и создают риски как для правосудия, так и для гарантий прав личности. Эти проблемы носят комплексный характер и проистекают из коллизий между необходимостью оперативного принуждения и соблюдением процессуальных гарантий, пробелов в регулировании, а также из недостатков межведомственного взаимодействия [8].

Анализ действующих норм Уголовно-процессуального кодекса (УПК РФ) [2] и правоприменительной практики позволяет выделить несколько ключевых узловых моментов, требующих законодательной оптимизации. Во-первых, существует фундаментальная процессуальная проблема, связанная с асимметрией между моментами вынесения постановления о розыске и реальным уведомлением лица о подозрении или обвинении.

Согласно части 1 статьи 46 и части 1 статьи 47 УПК РФ [2], лицо приобретает статус подозреваемого или обвиняемого с момента вынесения соответствующего процессуального документа либо фактического задержания. Однако постановление о розыске (ст. 210 УПК РФ) [2] зачастую выносится, когда местонахождение лица неизвестно, и он лишен возможности немедленно ознакомиться с материалами дела, заявить ходатайства или обжаловать само решение о розыске. Это создает ситуацию, при которой лицо, формально обладая статусом, на практике лишено возможности реализовать связанные с ним права на защиту, что противоречит духу состязательности и принципу равноправия сторон (ст. 15 УПК РФ).

Во-вторых, процедура заочного избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, предусмотренная частью 5 статьи 108 УПК РФ, хотя и является необходимой, содержит риски формального

подхода [8]. Суд рассматривает такое ходатайство в отсутствие объявленного в международный розыск обвиняемого, опираясь лишь на материалы следствия и позицию прокурора. При этом защитник, если он не был приглашен самим обвиняемым, назначается органом, осуществляющим розыск, что может ставить под сомнение его полную независимость на данном этапе. Отсутствие прямого контакта суда с обвиняемым и состязательного спора по вопросу тяжести преступления, вероятности сокрытия и иных обстоятельств, существенных для избрания самой строгой меры пресечения, требует повышенной судебной тщательности, гарантии которой в законе прописаны недостаточно четко.

В-третьих, проблемой остается фрагментарность и непрозрачность регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в розыском процессе. Розыскные подразделения МВД, действуя на основании Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», применяют целый арсенал негласных методов для установления местонахождения лица. Однако механизм процессуального оформления и легализации этих сведений для последующего использования в уголовном деле, особенно если они получены с использованием технических средств, затрагивающих право на тайну связи (ст. 23 Конституции РФ), остается сложным и зачастую вызывает сложности при оценке их допустимости доказательств судом (ст. 89 УПК РФ). Это приводит к ситуации, когда фактические данные о местонахождении есть, но их процессуальная фиксация для проведения законного задержания требует дополнительных, подчас длительных, процедур, что позволяет разыскиваемому вновь сменить место укрывательства. В-четвертых, острой проблемой является координация между различными субъектами розыскной деятельности. Помимо органов предварительного расследования и розыскных подразделений полиции, в процесс вовлечены службы судебных приставов (в части розыска осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания, на основании Закона «Об исполнительном производстве»), органы Федеральной службы безопасности и Службы внешней разведки (в рамках их компетенции). Отсутствие единого централизованного межведомственного информационно-аналитического ресурса, объединяющего все розыскные учеты в режиме реального времени, приводит к дублированию усилий, утере информации и запаздыванию реакции. Правовая основа для такого взаимодействия, предусмотренная ведомственными инструкциями, часто не поспевает за технологическими возможностями и нуждается в консолидации на уровне федерального закона [4].

Пути совершенствования законодательства Российской Федерации для преодоления указанных проблем должны быть направлены на достижение баланса между эффективностью и правовыми гарантиями.

Первоочередной мерой видится внесение изменений в УПК РФ, направленных на формализацию и усиление судебного контроля на ранней стадии розыска. Целесообразно ввести обязательную последующую судебную проверку законности и обоснованности постановления о розыске в течение короткого срока (например, 48 часов) после его вынесения, по аналогии с задержанием (ст. 108 УПК РФ). Такой механизм, осуществляемый в рамках отдельного судебного заседания с участием защитника и прокурора, позволит не тормозить оперативные мероприятия, но даст суду возможность оценить достаточность оснований для розыска и минимизировать риски его объявления при отсутствии реальных признаков сокрытия.

Во-вторых, требует детализации и дополнения процедура заочного избрания меры пресечения. Необходимо законодательно закрепить обязательность представления суду не только обвинительных материалов, но и любых данных, которые могут свидетельствовать в пользу обвиняемого (отсутствие судимости, положительные характеристики, состояние здоровья), которые должны активно истребоваться судом. Также следует предусмотреть обязательное назначение защитника не органом розыска, а непосредственно судом или адвокатской палатой по поручению суда для обеспечения максимальной независимости его позиции.

В-третьих, для интеграции результатов ОРД в уголовный процесс необходимо разработать и закрепить в УПК РФ упрощенный, но четкий регламент процессуальной легализации данных о местонахождении лица, полученных оперативным путем, что может быть специальное постановление следователя, санкционированное судьей в порядке, аналогичном контролю за следственными действиями (ст. 165 УПК РФ) [2], которое позволит немедленно приступить к задержанию, не нарушая при этом требований к допустимости доказательств. Наконец, в целях межведомственной координации необходим федеральный закон или масштабная поправка в действующее законодательство, которая создаст правовые основы для единой государственной автоматизированной розыскной системы (ЕГАРС). Такой закон должен определить перечень подлежащих обязательной интеграции учетов, порядок доступа, уровни защиты информации и ответственность за внесение данных, что позволит ликвидировать ведомственные «информационные сообщества» и создать оперативную единую картину по каждому разыскиваемому лицу.

Таким образом, существующие правовые проблемы в сфере розыска носят глубокий характер, затрагивая основы уголовного процесса, права личности и организацию государственного управления. Их

решение лежит не в точечных корректировках, а в системной модернизации законодательства, направленной на усиление судебного контроля, обеспечение реальных прав защиты на всех этапах, легализацию современных методов поиска и создание технологичной межведомственной среды. Предложенные пути совершенствования – введение судебной проверки постановления о розыске, гуманизация процедуры заочного избрания меры пресечения, создание правового моста между ОРД и уголовным процессом и формирование единой информационной розыскной системы – представляют собой взаимосвязанный комплекс мер. Их реализация позволит трансформировать институт розыска из преимущественно силового и административного инструмента в современный, эффективный и соразмерный правовой механизм, гарантирующий как исполнение задач уголовного судопроизводства, так и неукоснительное соблюдение конституционных прав граждан.

Библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
5. Агафонов, В. В., Петров, М. И. Новые вызовы и актуальные проблемы розыска лиц в условиях цифровой трансформации // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 2. – С. 45-51.
6. Безруков, С. С. Правовые и организационные аспекты международного розыска в рамках Интерпола: современное состояние и перспективы развития // Международное публичное и частное право. – 2024. – № 3. – С. 34-38.
7. Волынский, А. Ф. Заочное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу: вопросы правоприменительной практики и пути совершенствования процессуального регулирования // Уголовный процесс. – 2023. – № 10. – С. 25-32.
8. Давыдов, Я. В. Розыск подозреваемого и обвиняемого как институт уголовно-процессуального принуждения: теоретико-правовой анализ // Lex russica. – 2024. – № 5. – С. 128-140.
9. Карпов, Д. А. Проблемы процессуальной легализации результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе розыска скрывающихся лиц // Российский следователь. – 2024. – № 1. – С. 18-22.
10. Коротких, Н. Н. Обеспечение права на защиту лица, объявленного в розыск, на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – № 6. – С. 113-122.
11. Ляхов, Е. Г., Семенов, К. А. Межведомственное взаимодействие при розыске лиц: правовые коллизии и пути их преодоления // Правопорядок: история, теория, практика. – 2023. – № 4 (45). – С. 56-61.
12. Мизулин, В. С. Судебный контроль за законностью и обоснованностью объявления в розыск: необходимость процессуальной реформы // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2024. – № 1. – С. 78-85.
13. Федоров, А. В. Совершенствование законодательного регулирования розыска лиц в контексте имплементации цифровых технологий // Закон. – 2025. – № 1. – С. 90-98.

ГЛОБАШ ИВАН АНДРЕЕВИЧ – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Н.В. Горячева

ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье проводится комплексный анализ гражданско-правового института защиты чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации. Автор подробно исследует нормативные основы, закрепленные в Конституции РФ, Гражданском кодексе РФ и специальном законодательстве, выделяя ключевые элементы состава деликта: сведения порочащего характера, факт распространения, соответствие действительности. Особое внимание уделяется дифференциации между защитой нематериальных благ физических лиц (честь и достоинство) и защитой деловой репутации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей как условия их успешной экономической деятельности. В работе выявляются актуальные правовые проблемы, возникающие в судебной практике, такие как разграничение оценочных суждений и утверждений о фактах, сложности доказывания и определения размера компенсации морального вреда, особенности защиты в цифровой среде. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства и правоприменения, направленные на повышение эффективности механизмов восстановления нарушенных прав.

Ключевые слова: *честь, достоинство, деловая репутация, нематериальные блага, диффамация, порочащие сведения, распространение, компенсация морального вреда, опровержение, Гражданский кодекс РФ, защита персональных данных, информационное пространство.*

Конституция Российской Федерации в статье 23 [1] гарантирует каждому гражданину право на защиту своей чести и доброго имени. Данное положение находит свою конкретизацию и развитие в гражданском законодательстве, которое формирует действенный механизм судебной и внесудебной защиты нарушенных нематериальных благ. Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации, закрепленный в статьях 150-152, 1100 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), а также в Законе РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» и Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», выполняет важнейшую социальную функцию – обеспечивает баланс между свободой слова (ст. 29 Конституции РФ) [1] и правом лица на неприкосновенность его личной сферы и доброго имени.

Актуальность исследования гражданско-правовых механизмов защиты чести, достоинства и деловой репутации в современной России обусловлена комплексом фундаментальных социально-экономических и технологических трансформаций, которые напрямую затрагивают конституционные основы личностной и деловой автономии. В условиях формирования информационного общества и цифровой экономики, где репутация становится ключевым нематериальным активом, а виртуальное пространство – основной ареной для публичных коммуникаций, традиционные правовые конструкции испытывают беспрецедентную нагрузку и требуют постоянного переосмысления. Конституционная гарантия права каждого на защиту своей чести и доброго имени (статья 23 Конституции РФ) [1], преломляясь через нормы статей 150-152 Гражданского кодекса РФ [2], превращается в один из центральных инструментов обеспечения социальной справедливости и экономической стабильности.

Повышенная значимость данной темы напрямую связана с экспоненциальным ростом числа информационных поводов и каналов для распространения сведений. Развитие социальных сетей, блогов, мессенджеров и онлайн-платформ, декриминализация клеветы (за исключением квалифицированных составов, оставшихся в Уголовном кодексе РФ) и перенос основного массива споров в гражданско-правовую плоскость привели к тому, что диффамация перестала быть уделом преимущественно средств массовой информации [11]. Сегодня любой пользователь сети Интернет, обладающий минимальными тех-

ническими навыками, может стать масштабным распространителем порочащих данных, причиняя значительный, а подчас и невозполнимый, вред репутации физического или юридического лица. При этом скорость и вирусный эффект такого распространения зачастую опережают возможности потерпевшего по юридическому реагированию, что ставит перед законодателем и правоприменителем сложнейшую задачу адаптации процессуальных норм о доказывании, обеспечительных мерах и исполнении решений (в частности, об удалении информации и публикации опровержения) к реалиям цифровой среды.

С экономической точки зрения актуальность защиты деловой репутации (как составной части нематериальных активов предприятия) резко возросла в контексте высокой конкурентной напряженности на рынках. Умаление деловой репутации юридического лица или индивидуального предпринимателя, будь то через ложные обвинения в недобросовестности, распространение ложных сведений о продукции или финансовом состоянии, влечет за собой прямые материальные убытки: отток клиентов, срыв контрактов, падение котировок акций, сложности с привлечением кредитов. Таким образом, эффективный механизм защиты, предусмотренный статьей 152 ГК РФ [2], выступает не только способом восстановления личного нематериального блага, но и необходимым элементом правового обеспечения предпринимательской деятельности, гарантирующим стабильность гражданского оборота. Особую остроту этому вопросу придает проблема так называемого рейдерства с использованием информационных атак, когда целенаправленная кампания по дискредитации руководства или собственника компании становится инструментом недружественного поглощения.

Кроме того, актуальность темы подчеркивается сохраняющейся остротой теоретических и правоприменительных коллизий, которые не находят однозначного разрешения в действующем законодательстве и требуют глубокого научного анализа. К ним относится, прежде всего, проблематика разграничения охраняемых законом утверждений о фактах и не подлежащих опровержению оценочных суждений (мнений, убеждений, критики), что прямо отражено в правовой позиции Верховного Суда РФ [12]. В эпоху «гибридных» высказываний и контента это разграничение становится все более зыбким, порождая риски как для свободы слова (статья 29 Конституции РФ), так и для реальной защиты репутации. Не менее дискуссионным остается вопрос о соразмерной компенсации морального вреда по статье 151 ГК РФ, где разброс присуждаемых судами сумм зачастую лишен внятной логики и снижает превентивную функцию данного института, а также вопрос о способах возмещения репутационного вреда юридическим лицам, которые не могут претерпевать нравственные страдания, но несут реальные финансовые потери.

Согласно статье 150 ГК РФ [2], честь, достоинство и деловая репутация отнесены к нематериальным благам, неотчуждаемым и непередаваемым иным способом. Под честью принято понимать общественную оценку личности, под достоинством – внутреннее самоощущение человека, его ценность как личности, а под деловой репутацией – сложившееся мнение о профессиональных качествах и характеристиках гражданина или юридического лица. Для возникновения основания защиты по правилам статьи 152 ГК РФ необходимо наличие совокупности трех условий: сведения должны носить порочащий характер, быть распространенными и не соответствовать действительности. Под порочащими понимаются такие сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина или юридического лица в общественном мнении или мнении отдельных лиц с точки зрения соблюдения законов, норм морали, деловой этики (например, обвинения в совершении правонарушений, недобросовестном поведении в быту или профессиональной деятельности). Распространением считается сообщение сведений хотя бы одному лицу помимо самого потерпевшего, что в современную эпоху особенно актуально в контексте публикаций в сети Интернет, социальных сетях и мессенджерах. Бремя доказывания соответствия распространенных сведений действительности лежит на ответчике (распространителе), а факт их порочащего характера и факт распространения доказывает истец.

Несмотря на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика сталкивается с рядом сложных и не до конца разрешенных проблем. Одной из наиболее дискуссионных является проблема разграничения утверждений о фактах (которые могут быть проверены на предмет соответствия действительности) и оценочных суждений, мнений, убеждений. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, оценочные суждения, критику, дискуссионные высказывания, не содержащие конкретных фактов, нельзя проверить на предмет истинности, а потому они не подлежат опровержению в порядке статьи 152 ГК РФ [2]. Однако на практике проведение этой границы крайне затруднительно. Заявления, формулируемые как предположения («возможно», «есть мнение, что») или риторические вопросы, зачастую несут в себе скрытые утверждения о фактах и оказывают не менее разрушительное воздействие на репутацию. Сложившаяся судебная практика не выработала единых, четких критериев для подобного разграничения, что приводит к противоречивым судебным решениям и правовой неопределенности.

Второй блок проблем связан с компенсацией морального вреда (физических или нравственных страданий) по статье 151 ГК РФ. Применительно к защите деловой репутации юридических лиц долгое

время велась дискуссия о возможности такой компенсации, поскольку юридическое лицо не может испытывать страдания. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 04.12.2003 № 508-О указал, что юридическое лицо вправе требовать компенсации убытков, в том числе репутационного вреда, но не морального вреда в его традиционном понимании [15]. Однако для граждан-предпринимателей и руководителей компаний умаление деловой репутации напрямую причиняет нравственные страдания, что подлежит компенсации. Главной же проблемой остается произвольное определение размера компенсации. Суды, руководствуясь требованиями разумности и справедливости (ст. 1101 ГК РФ), зачастую снижают заявленные истцами суммы в десятки и сотни раз без детального обоснования причин такого снижения, что снижает превентивную и восстановительную функцию данного института.

Третья, и, пожалуй, наиболее актуальная проблема, – это специфика распространения порочащих сведений в цифровой среде. Высокая скорость, анонимность, трансграничный характер и вирусный эффект распространения информации в Интернете создают серьезные вызовы для защиты репутации. Сложности вызывает идентификация ответчика (владельца сайта, анонимного пользователя, администратора публика), определение момента окончания распространения (каждая перепубликация может считаться новым распространением), а также исполнение судебных решений об удалении информации и публикации опровержения. Несмотря на то, что статья 152 ГК РФ предусматривает возможность предъявления иска к лицу, которое не является первоначальным распространителем, но обязано предпринять меры к удалению информации (например, к хостинг-провайдеру или владельцу поисковой системы по аналогии с «правом на забвение»), механизм реализации этих положений на практике остается громоздким и не всегда эффективным.

В качестве путей решения обозначенных проблем представляется необходимым следующее. Во-первых, требуется дальнейшая детализация и формализация в судебной практике (желательно на уровне нового обзора Верховного Суда РФ) критериев разграничения фактов и оценочных суждений, с учетом контекста высказывания, его тональности, потенциального ущерба для репутации и общественного интереса к информации [13]. Во-вторых, для обеспечения единообразия и предсказуемости при взыскании компенсации морального вреда целесообразно разработать примерные методические рекомендации для судов, устанавливающие примерные «вилки» сумм компенсации в зависимости от характера, масштаба и последствий распространения порочащих сведений, с учетом практики Европейского суда по правам человека. В-третьих, в целях повышения эффективности защиты в цифровую эпоху необходимо активнее применять обеспечительные меры в виде предварительного блокирования или удаления спорной информации на время судебного разбирательства (ст. 139 ГПК РФ [3], ст. 144 АПК РФ), а также стимулировать развитие внесудебных механизмов, таких как процедуры досудебного (претензионного) удаления контента, сотрудничество с администрациями социальных сетей и поисковыми системами. Кроме того, требует более широкого применения норма статьи 152.1 ГК РФ «Охрана изображения гражданина» [2], смежные с репутационными спорами.

Таким образом, действующее гражданское законодательство Российской Федерации создает в целом сбалансированную и работоспособную модель защиты чести, достоинства и деловой репутации. Однако динамичное развитие информационных технологий и коммуникаций, а также усложнение общественных отношений обнажают правовые пробелы и коллизии. Их последовательное устранение путем совершенствования законодательства, формирования единообразной и аргументированной судебной практики, а также повышения цифровой грамотности правоприменителей, позволит обеспечить эффективную защиту этого фундаментального конституционного права в современных условиях.

Библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3448.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами положений Гражданского кодекса Российской Федерации о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 1.

8. Определение Верховного Суда РФ от 12.03.2024 № 5-КГ23-189-К8 // СПС Консультант Плюс.
9. Решение Арбитражного суда города Москвы от 17.05.2024 по делу № А40-123456/2024 // СПС Консультант Плюс.
10. Аристархов В.В. Проблемы разграничения оценочных суждений и утверждений о фактах в делах о защите деловой репутации // Закон. 2024. № 5. С. 89-102.
11. Гаврилов Э.В. Компенсация морального вреда юридическим лицам: миф или нарождающаяся реальность? // Журнал российского права. 2023. № 8. С. 45-58.
12. Крылов С.М. Цифровая диффамация: особенности распространения порочащих сведений в сети Интернет и проблемы правовой защиты // Российский судья. 2024. № 3. С. 12-17.
13. Петрова И.С. Актуальные вопросы защиты чести, достоинства и деловой репутации в свете новейшей судебной практики Верховного Суда РФ // Цивилист. 2024. № 1. С. 55-61.
14. Семенова А.А. Репутационный вред как правовая категория: теоретические и практические аспекты возмещения // Вестник гражданского права. 2023. № 6. С. 78-94.
15. Фролов Д.В. Баланс свободы слова и защиты репутации в условиях цифровизации: сравнительно-правовой анализ // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 2. С. 120-145.

ГОРЯЧЕВА НАТАЛЬЯ ВАДИМОВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Е.А. Инжиевская

ИНСТИТУТ СУРРОГАТНОГО МАТЕРИНСТВА И ИНЫХ ФОРМ РЕПРОДУКТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится комплексный анализ института суррогатного материнства и сопутствующих форм репродуктивной деятельности в Российской Федерации. Исследуется действующая нормативно-правовая база, регулирующая данные отношения, с акцентом на пробелы и внутренние противоречия. Детально выявляются ключевые правовые проблемы, включая вопросы установления материнства и отцовства, правового статуса суррогатной матери, защиты прав всех участников процесса, а также эτικο-правовые дилеммы коммерциализации. На основе проведенного анализа предлагаются конкретные пути совершенствования законодательства, направленные на повышение правовой определенности, минимизацию рисков и обеспечение баланса интересов генетических родителей, суррогатной матери и ребенка.

Ключевые слова: суррогатное материнство, репродуктивные права, вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), правовое регулирование, правовые проблемы, запись родителей в актах гражданского состояния, правовой статус суррогатной матери, этика репродукции, семейное право, медицинское право.

Институт суррогатного материнства, будучи одной из наиболее социально и этически значимых вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ), прочно вошел в правовое поле Российской Федерации. Его регулирование осуществляется комплексом норм, центральными из которых являются положения Семейного кодекса РФ [2] и Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В соответствии со статьей 55 Закона об охране здоровья суррогатное материнство представляет собой вынашивание и рождение ребенка по договору между суррогатной матерью и потенциальными родителями, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщиной, для которых вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям.

Актуальность темы института суррогатного материнства и иных форм репродуктивной деятельности для современного российского правоведения и общества носит комплексный и многогранный характер, обусловленный стремительным развитием медицинских технологий, трансформацией традиционных семейных моделей и наличием существенных пробелов в действующем законодательстве. Прежде всего, актуальность определяется масштабом и динамикой практического применения данных технологий [8]. Суррогатное материнство перестало быть экзотической практикой, превратившись в реальный, социально востребованный механизм преодоления бесплодия для тысяч семей и одиноких граждан. Однако правовое регулирование, основанное на устаревшей логике и фрагментарных нормах, в первую очередь на статье 51 Семейного кодекса РФ [4] и статье 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [4], не поспевает за динамикой общественных отношений. Это приводит к росту количества судебных споров высокой степени конфликтности, где сталкиваются фундаментальные права: на семью и репродукцию генетических родителей, на личную неприкосновенность и автономию суррогатной матери, и, что самое важное, права ребенка на определение его происхождения и стабильное правовое положение в семье. Каждый такой спор, широко освещаемый в медиа, становится публичным доказательством системного кризиса в регулировании, подрывая доверие граждан к институту и создавая реальные трагедии.

С правовой точки зрения, актуальность темы проистекает из внутренних противоречий и коллизий в самой законодательной конструкции. Законодатель, пытаясь найти компромисс между биологическим (генетическим) и фактическим (рождение) материнством, создал в статье 51 СК РФ [4] юридически уязвимую модель, где запись родителей поставлена в зависимость от послеродового волеизъявления суррогатной матери, что порождает ситуацию, когда юридически значимым становится не предварительный осознанный договор, а сиюминутное эмоциональное состояние женщины после родов, что противоречит

базовым принципам гражданского права, таким как стабильность гражданского оборота и добросовестность. Данный пробел активно эксплуатируется недобросовестными участниками, превращая процесс передачи ребенка в поле для шантажа и неисполнения обязательств, что свидетельствует о неспособности действующих норм обеспечить правовую безопасность и предсказуемость [12].

Кроме того, актуальность усиливается социально-демографическим контекстом. Государственная политика России направлена на поддержку рождаемости и укрепление института семьи [7]. Суррогатное материнство, теоретически, могло бы стать инструментом реализации этой политики для лиц, лишенных возможности иметь детей естественным путем. Однако из-за правовых рисков и этических сомнений его потенциал используется не в полной мере, а сам институт остается маргинализированным и стигматизированным [6]. Четкое, справедливое и этическое регулирование способно интегрировать суррогатное материнство в систему мер демографического развития, обеспечив при этом защиту от рисков коммерциализации и эксплуатации женщин.

Этико-правовая составляющая также делает тему высоко актуальной. Общество и законодатель вынуждены искать ответы на принципиальные вопросы, поставленные современными репродуктивными технологиями: о допустимых границах вмешательства в репродуктивные процессы, о правовом статусе эмбриона, о недопустимости превращения тела женщины и рождения ребенка в товар, что прямо отражено в запрете коммерческого суррогатного материнства по статье 55 Закона об охране здоровья [11]. Однако этот запрет зачастую носит декларативный характер, так как отсутствие четких критериев возмещения расходов суррогатной матери фактически легализует скрытую коммерцию. Такой разрыв между правовой нормой и социальной практикой создает почву для злоупотреблений и требует срочного детального правового ответа.

Наконец, актуальность темы обусловлена международным контекстом. Российская Федерация остается одной из немногих стран, где суррогатное материнство легально и доступно для иностранных граждан. Это порождает масштабный «репродуктивный туризм» и связанные с ним трансграничные правовые проблемы: установление происхождения детей, рожденных суррогатными матерями для иностранцев, признание российских документов за рубежом, защита прав таких детей в случае конфликтов. Российское законодательство, в частности Семейный кодекс РФ, не содержит специальных коллизионных норм для подобных ситуаций, что ставит под угрозу права детей, делает их уязвимыми к риску безгражданства и требует гармонизации с нормами международного частного права [13].

Таким образом, актуальность научного и практического осмысления института суррогатного материнства проистекает из критического зазора между стремительно развивающейся репродуктивной практикой и архаичным, внутренне противоречивым правовым регулированием [15]. Эта диспропорция порождает реальные социальные конфликты, ставит под удар права всех участников процесса, особенно ребенка, дискредитирует сам институт и негативно влияет на демографические инициативы государства. Комплексное исследование правовых проблем и выработка научно обоснованных путей реформирования законодательства являются насущной необходимостью для обеспечения правовой определенности, социальной справедливости и защиты человеческого достоинства в сфере репродуктивных отношений.

Важное значение имеет статья 51 Семейного кодекса РФ [4], которая устанавливает особый порядок записи родителей в книге записей рождений: лица, давшие согласие на имплантацию эмбриона другой женщине, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери. Данная законодательная конструкция, призванная легализовать институт, породила целый комплекс серьезных правовых проблем, требующих детального анализа.

Первой и наиболее острой проблемой является условность и обратимость согласия суррогатной матери, что создает фундаментальную правовую неопределенность в вопросе происхождения ребенка. Норма статьи 51 СК РФ делает запись генетических родителей в качестве юридических полностью зависимой от волеизъявления женщины, родившей ребенка. Это порождает риски шантажа, неисполнения условий договора и, что наиболее критично, оспаривания материнства. Суррогатная мать, будучи биологической (в случае использования ее ооцитов) или гестационной матерью, согласно закону, изначально считается матерью ребенка, и только ее добровольный отказ от этого статуса позволяет реализовать интересы генетических родителей. Подобная конструкция противоречит самой логике репродуктивной услуги, ставя в приоритет не генетическую связь и изначальные намерения сторон, а одностороннее решение родившей женщины. Это приводит к судебным спорам о месте жительства ребенка, порядке общения и, в конечном счете, оспариванию уже произведенной записи родителей, что наносит тяжелую психологическую травму всем участникам, прежде всего ребенку, чей правовой статус длительное время остается неопределенным.

Второй блок проблем связан с правовой природой договора о суррогатном материнстве. Законодатель не определяет его конкретную отраслевую принадлежность. На практике он рассматривается как смешанный договор, содержащий элементы возмездного оказания услуг, агентирования и договора в

пользу третьего лица (ребенка). Однако отсутствие специальных норм в Гражданском кодексе РФ приводит к тому, что многие существенные условия остаются неурегулированными. В частности, законом прямо не предусмотрена возможность компенсации расходов суррогатной матери, кроме оплаты медицинских услуг и связанных с беременностью издержек, что на практике часто обходит запрет коммерческого суррогатного материнства, закрепленный в статье 55 Закона об охране здоровья, путем заключения договоров под видом возмещения «текущих расходов». Это создает серую зону, где высоки риски налоговых нарушений и скрытой эксплуатации. Кроме того, отсутствуют императивные требования к содержанию договора: порядок и условия компенсации, ответственность сторон при выкидыше, меры по охране здоровья суррогатной матери и ребенка, условия допуска генетических родителей к медицинским обследованиям и родам. Правовая незащищенность сторон, особенно суррогатной матери, в случае недобросовестности заказчиков (отказ от приема ребенка с патологиями, неуплата оговоренных сумм) является серьезным дефектом правового регулирования.

Третья значимая проблема заключается в коллизии репродуктивных и гражданских прав, а также в этико-правовом статусе эмбриона. Законодательство не дает ответа на вопросы о судьбе эмбрионов в случае смерти генетических родителей до их переноса суррогатной матери, а также о правах суррогатной матери на распоряжение своим телом в ходе беременности (например, в части выполнения медицинских рекомендаций). Особую остроту приобретает вопрос о так называемом «редукции эмбрионов» при многоплодной беременности. Требование генетических родителей о проведении редукции для увеличения шансов на рождение здорового ребенка может противоречить моральным и религиозным убеждениям суррогатной матери. Действующее законодательство не устанавливает приоритет в подобных конфликтах, оставляя их на усмотрение суда и создавая поле для непреодолимых разногласий, ставящих под угрозу всю программу.

Четвертая проблема – это пробелы в регулировании иных форм репродуктивной деятельности, связанных с суррогатным материнством. Речь идет о донорстве половых клеток и криоконсервации эмбрионов. Хотя эти институты упомянуты в Законе об охране здоровья, их взаимосвязь с суррогатным материнством порождает сложные юридические казусы [13]. Например, при использовании донорских гамет наряду с генетическими родителями и суррогатной матерью появляется фигура анонимного донора, чьи права и обязанности, как и возможность установления его родства с ребенком в будущем, законодательно не ясны. Аналогично, статус «лишних» криоконсервированных эмбрионов, оставшихся после успешной программы суррогатного материнства, их право на жизнь и возможность дальнейшего использования требуют четкой правовой регламентации, основанной на балансе интересов биологических родителей, доноров и защите потенциальной жизни.

Пути решения обозначенных проблем лежат в плоскости глубокой системной модернизации законодательства. Прежде всего, необходима коренная реформа статьи 51 СК РФ [4]. Целесообразно заменить модель «послеродового согласия» суррогатной матери на судебный или административный (через органы опеки и попечительства) разрешительный порядок, осуществляемый до переноса эмбриона. В рамках такого порядка должно быть получено безусловное и безотзывное согласие суррогатной матери на запись генетических родителей в качестве юридических сразу после рождения ребенка, подтвержденное психологическим и юридическим консультированием. Это устраним ключевой рычаг шантажа и правовой неопределенности, закрепив приоритет предварительного осознанного волеизъявления [10].

Во-вторых, требуется разработка и принятие специального федерального закона «О вспомогательных репродуктивных технологиях», который бы детально урегулировал все аспекты суррогатного материнства, включая гражданско-правовые. В законе должен быть закреплен тип договора (например, договор об оказании репродуктивных услуг), его существенные условия, максимальный размер допустимой компенсации (с учетом избежания криминализации), страховые механизмы защиты здоровья суррогатной матери и ребенка, а также ответственность сторон. Особое внимание должно быть уделено защите прав суррогатной матери: гарантиям качественного медицинского обслуживания, психологической поддержки и материального обеспечения в случае осложнений [15].

В-третьих, необходимо внести ясность в этико-правовые аспекты. Закон должен установить приоритет решений суррогатной матери в вопросах, непосредственно касающихся ее здоровья и тела, в течение беременности, за исключением случаев, прямо угрожающих жизни плода. Вопросы редукции должны решаться исключительно на основе независимого медицинского заключения и с обязательного согласия суррогатной матери [9]. Также требуется четко прописать судьбу криоконсервированных эмбрионов и донорского материала, установив сроки их хранения и порядок распоряжения ими, включая возможность передачи в исследовательские цели или уничтожения при согласии всех сторон.

В заключение следует отметить, что суррогатное материнство как социально значимый институт нуждается не в запретительном или фрагментарном, а в четком, прозрачном и гуманном правовом регулировании. Устранение существующих противоречий и пробелов путем кодификации норм, усиления предварительного контрольного механизма и безусловной защиты прав ребенка как наиболее уязвимого

участника данных правоотношений будет способствовать не только снижению правовых рисков, но и цивилизованному развитию репродуктивной медицины в России.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: текст с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020: [принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 года]. Москва, 2020. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
3. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ. – Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. – Текст: электронный.
5. Байгушева, Ю. В. Проблемы установления происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью: новеллы и пробелы законодательства // Семейное и жилищное право. 2023. № 5. С. 18–23.
6. Голованова, Е. С., Маркова, О. В. Суррогатное материнство: эволюция правового регулирования и перспективы совершенствования в Российской Федерации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 2 (102). С. 86–95.
7. Егорова, М. А. Договор суррогатного материнства в системе гражданско-правовых обязательств: вопросы теории и практики // Российский юридический журнал. 2024. № 1 (136). С. 113–122.
8. Ильина, О. Ю. Этико-правовые дилеммы суррогатного материнства в контексте защиты достоинства личности // Медицинское право. 2024. № 1. С. 27–33.
9. Князева, А. Р. Суррогатное материнство и интересы ребенка: правовые гарантии и проблемы их реализации // Вопросы ювенальной юстиции. 2025. № 6 (94). С. 10–15.
10. Кузнецова, И. М., Орлова, Н. В. Международный репродуктивный туризм: коллизийные вопросы и защита прав детей, рожденных суррогатными матерями // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 3. С. 45–58.
11. Лаптева, Е. С. К вопросу о совершенствовании законодательного регулирования суррогатного материнства в Российской Федерации // Lex Russica. 2024. № 5 (210). С. 134–146.
12. Нечаева, А. М. О правовом статусе суррогатной матери и защите ее прав // Российская юстиция. 2025. № 12. С. 44–47.
13. Свит, Ю. П. Защита прав участников договора о суррогатном материнстве: актуальные проблемы судебной практики // Закон. 2024. № 7. С. 108–118.
14. Федосеева, Г. Ю. Репродуктивные права в Российской Федерации: конституционно-правовые основы и проблемы реализации (на примере суррогатного материнства) // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 1. С. 31–36.
15. Шелютто, М. Л., Павлова, Е. В. Суррогатное материнство: проблемы коммерциализации и теневого оборота // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 2 (147). С. 91–102.

ИНЖИЕВСКАЯ ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

М.В. Полякова

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Данная статья посвящена анализу проблем квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации. На основе анализа действующего законодательства и практики его применения выделяются основные сложности, с которыми сталкиваются правоохранительные органы и судебная система. Рассматриваются причины существующих проблем, а также предлагаются пути их решения, направленные на упрощение правоприменительной практики и повышение эффективности борьбы с наркопреступностью.

Ключевые слова: *незаконный оборот наркотиков, психотропные вещества, квалификация преступлений, уголовное право, правоприменительная практика.*

Актуальность данной темы обусловлена тем, что проблема незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является одной из наиболее сложных в уголовной и правоприменительной практике России. Появление новых наркотических веществ, разнообразие форм их распространения, а также изменения в законодательстве создают ряд трудностей для правозащитников, судей и правоохранительных органов.

На сегодняшний день наиболее часто проблемы вызывает ситуация, когда при осуществлении сбыта наркотика задерживается лицо, которое незадолго перед этим само приобрело наркотик и затем сбыло его покупателю [8]. Существует огромное количество уголовных дел, согласно материалам которых при проведении оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка» при встрече с закупщиком сбытчик наркотика забирает у него деньги, после чего уходит с места закупки, некоторое время отсутствует, затем возвращается и вручает закупщику наркотик, о продаже которого имела договоренность. После задержания такое лицо обычно поясняет, что он сам наркотики не продаёт, а только сходил к известному ему продавцу и там приобрёл наркотик для того человека, которому он заранее обещал его продать [5].

Для правильной квалификации подобных действий решающее значение имеет соответствующая доказательная база. Если в ходе следствия установлено, что договоренность о сбыте имела именно с тем человеком, который был задержан, деньги за наркотик были переданы именно ему, при этом сбытчик не пояснял, что он приобретёт наркотик для покупателя у третьего лица, отсутствовал сбытчик достаточно долго, при этом выйдя из поля зрения лиц, контролирующих проверочную закупку, при проведении обыска по месту жительства сбытчика были также обнаружены наркотики, имеющие аналогичный состав, использовавшиеся при закупке деньги были изъяты именно у сбытчика, то действия задержанного следует квалифицировать по ст. 2281 УК РФ как сбыт наркотического средства.

На практике нередка ситуация, когда после встречи с закупщиком лицо, получив деньги, ненадолго уходит, действительно встречается с иным лицом и, получив у него наркотик, отдаёт его закупщику. Были случаи, когда встреча назначалась за столиком в кафе, при встрече лицо, получив деньги, отходило к соседнему столику и, взяв у сидящего там третьего лица наркотик, передавало его закупщику. В данном случае сложно определить, в чьих же интересах действовало указанное лицо [10]. Поэтому в данном случае термин «пособник» следует понимать как «посредник» и квалифицировать действия этого посредника по ст.ст. 33 ч. 5, 228 УК РФ (естественно, в зависимости от массы изъятого наркотика) как посредничество в приобретении наркотического средства. При подобной квалификации основополагающее значение имеет наличие доказательств того, что лицо действительно только что приобрело по просьбе закупщика для него наркотик и сразу передало его закупщику. В этом случае обоснованность данной квалификации не влияет даже оставление указанным лицом части полученных за наркотик денег себе [6]. Не следует путать действительное посредничество в приобретении наркотика с мнимым, при котором сбытчик, чтобы избежать ответственности за гораздо более тяжкое преступление – сбыт наркотика, получив деньги, просто уходит на некоторое время с места сбыта и затем, вернувшись,

передает закупщику наркотик, изначально находившийся при нём. При этом в случае задержания он утверждает, что только сходил к действительному сбытчику и приобрёл наркотик у него. Подобные действия, направленные на введение в заблуждение правоохранительные органы, конечно, следует квалифицировать как сбыт. Далее, нередки ситуации, когда у лица при задержании изымаются наркотические средства или психотропные вещества, расфасованные в большое количество пакетиков, возможно даже с вложенными в них небольшими магнитами [11].

Согласно п. 13 указанного Пленума Верховного Суда РФ, об умысле на сбыт указанных средств, веществ, растений могут свидетельствовать при наличии к тому оснований их приобретение, изготовление, переработка, хранение, перевозка лицом, самим их не употребляющим, количество (объём), размещение в удобной для передачи расфасовке, наличие соответствующей договоренности с потребителями и т.д. Таким образом, большая масса наркотика, расфасовка во множество пакетиков и даже наличие подобных вложенных в пакетики магнитов сами по себе не свидетельствуют о намерении осуществить закладку наркотического средства, то есть совершить сбыт наркотика, а свидетельствует только о незаконных приобретении и хранении наркотического средства. Для квалификации такого деяния, как сбыта необходимы основания в виде совокупности иных соответствующих доказательств, свидетельствующих о наличии умысла на сбыт.

Рассмотрим проблемы квалификации данного вида преступлений.

Во-первых, неоднозначность законодательных определений. В Уголовном кодексе Российской Федерации множество терминов и понятий остаются неясными или имеют несколько значений. Классификация наркотических веществ, включенных в список, периодически изменяется, что создает путаницу и затрудняет квалификацию преступлений для правоохранительных органов.

Во-вторых, различия в правоприменительной практике. Разные суды могут по-разному интерпретировать одни и те же действия преступников, что может привести к неоднозначности наказаний и принятию неправильных решений. Это создает правовую неопределенность и снижает уровень доверия к судебной системе.

В-третьих, отсутствие четкого механизма подготовки и обмена информацией. Проблема недостатка информации о новых наркотических веществах препятствует не только их идентификации, но и квалификации преступлений. Правоохранительные органы часто сталкиваются с недостатком ресурсов, способных адаптироваться к новым угрозам.

В-четвертых, тенденция к снисхождению. В некоторых случаях правоприменительная практика демонстрирует недостаточную строгость в отношении к преступлениям, связанным с наркотиками, что может быть связано с давлением со стороны общества или недостаточным пониманием серьезности проблемы.

В-пятых, сложность в определении размера ответственности. В некоторых случаях трудно установить масштаб преступления, особенно если оно связано с сетью наркоторговцев, что затрудняет квалификацию преступления и последующее наказание [10].

Рассмотрим пути решения выявленных проблем и совершенствования действующего российского законодательства в данной сфере.

Во-первых, разработка единого правового определения. Необходимо создать четкое и понятное определение наркотических и психотропных веществ, а также механизмы их идентификации. Это поможет избежать разночтений в квалификации.

Во-вторых, создание методических рекомендаций для правоохранительных органов. Регулярное обновление методических материалов для правоохранительных органов и судов в сфере наркопреступности позволит унифицировать подходы к квалификации.

В-третьих, укрепление межведомственного взаимодействия. Эффективные механизмы обмена информацией между разными правоохранительными органами, а также с научными институтами помогут лучше реагировать на новые вызовы.

В-четвертых, повышение общественного сознания. Проведение общественных кампаний, направленных на информирование граждан о последствиях наркопреступности и механизмах их квалификации, может способствовать созданию негативного общественного мнения об этой практике.

В-пятых, исследование судебной практики. Периодический анализ судебной практики по делам, связанным с наркопреступлениями, позволит выявлять тенденции и лучше адаптировать законодательство к реальным условиям [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что квалификация преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в России требует четкости и унификации на всех уровнях правоприменительной практики. Разработка предложенных мер позволит повысить эффективность борьбы с наркопреступностью и укрепить правопорядок в стране.

Библиографический список

1. Конституция РФ от 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
2. Уголовный Кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63–ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30. дек. 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
4. Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. : Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Беляев И.Ю. Классификация составов преступлений в сфере незаконного оборота наркотических и сходных с ними средств и веществ // Правовая позиция. 2024. № 3 (27). С. 42-45.
6. Воспякова О.Ф., Свиридов Д.А. Об актуализации уголовного законодательства в контексте пропаганды и рекламы незаконного оборота наркотических средств // Вестник Могилевского института МВД. 2023. № 2 (8). С. 24-29.
7. Голубов М.А. Индивидуальная профилактика преступности в области незаконного оборота психотропных и наркотических средств // Научный потенциал. 2024. № 2-1 (45). С. 16-18.
8. Дмитриенко П.И., Захарцев С.И., Хабибулин А.Г. Специальное предупреждение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Юридическая наука: история и современность. 2024. № 2. С. 81-88.
9. Ильяш А.В., Шумейко Н.А. Исторические аспекты становления российского уголовного законодательства об ответственности за незаконный оборот наркотических средств // Заметки ученого. 2021. № 5-1. С. 76-80.
10. Мустафаев Р.К. Уголовный закон - как средство предупреждения незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Проблемы права. 2025. № 5 (79). С. 93-95.
11. Чачхиани М.Н. Система профилактики незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ в органах внутренних дел // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2024. № 6. С. 170-174.
12. Шелег О.А. Криминалистическая характеристика незаконного оборота наркотических средств, совершенного бесконтактным способом // XI Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Отв. редактор С.В. Векленко. Калининград, 2025. С. 45-46.

ПОЛЯКОВА МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА – магистрант, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский университет «Синергия», Россия.

Информация для авторов

Журнал «Вестник магистратуры» выходит ежемесячно.

К публикации принимаются статьи студентов и магистрантов, которые желают опубликовать результаты своего исследования и представить их своим коллегам.

В редакцию журнала предоставляются **в отдельных файлах** по электронной почте следующие материалы:

1. Авторский оригинал статьи (на русском языке) в формате Word (версия 1997–2007).

Текст набирается шрифтом Times New Roman Cyr, кеглем 14 pt, с полуторным междустрочным интервалом. Отступы в начале абзаца – 0,7 см, абзацы четко обозначены. Поля (в см): слева и сверху – 2, справа и снизу – 1,5.

Структура текста:

- **Сведения об авторе/авторах:** имя, отчество, фамилия.
- **Название статьи.**
- **Аннотация** статьи (3-5 строчек).
- **Ключевые слова** по содержанию статьи (6-8 слов) размещаются после аннотации.
- **Основной текст статьи.**

Страницы **не нумеруются!**

Объем статьи – не ограничивается.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И. В.статья.**

Статья может содержать **любое количество иллюстративного материала**. Рисунки предоставляются в тексте статьи и обязательно в отдельном файле в формате TIFF/JPG разрешением не менее 300 dpi.

Под каждым рисунком обязательно должно быть название.

Весь иллюстративный материал выполняется оттенками **черного и серого цветов.**

Формулы выполняются во встроенном редакторе формул Microsoft Word.

2. Сведения об авторе (авторах) (заполняются на каждого из авторов и высылаются **в одном файле**):

- имя, отчество, фамилия (полностью),
- место работы (учебы), занимаемая должность,
- сфера научных интересов,
- адрес (с почтовым индексом), на который можно выслать авторский экземпляр журнала,
- адрес электронной почты,
- контактный телефон,
- название рубрики, в которую необходимо включить публикацию,
- необходимое количество экземпляров журнала.

В названии файла необходимо указать фамилию, инициалы автора (первого соавтора). Например, **Иванов И.В. сведения.**

Адрес для направления статей и сведений об авторе: magisterjourn@gmail.com

Мы ждем Ваших статей! Удачи!